

В. РЫЖАКОВ

ОТКРЫТИЕ МИРА

Повесть

603109 Горький, ул. Краснофлотская

дом 32, кв. 41

Тел. 33 – 13 – 23

*Деревня, в которой живет
наш отважный герой*

Только ты уж, пожалуйста, не вертись, не дрыгай ногами, не шмыгай так громко носом и не шали, а слушай внимательно.

В некотором царстве, в некотором государстве, а точнее всего в нашей Советской стране, далеко-далеко от города, на высокой горе стояла, да и сейчас стоит, деревня Родники.

Деревня длинная-длинная и кривая. Длинная потому, что начинается на вершине горы и отсюда лесенкой спускается в самый низ к самым лугам. А кривая оттого, что в середине ее притаился старый дремучий овраг. И деревня боязливо обегает его.

Зимой овраг заносит снегом. Глубокими-глубокими сугробами. Такими глубокими, что если прыгнешь в него или случайно свалишься то, пожалуй, никогда не выберешься.

Летом же крутые склоны оврага глухо зарастают высоченной крапивой, лебедой и репейником. И пахнет из него горько-колючей жгучестью, а из темной бездонной глубины тянет сыростью и непролазным страхом.

И живут в том мрачном овраге только Буки. А что это за Буки – никто их никогда не видел.

А так деревня Родники чистая и светлая. И люди в ней живут веселые и добрые. И работают те веселые и добрые люди в колхозе. А колхоз называется «Родина». Пашут люди тракторами землю, сеют на ней рожь, пшеницу, просо, гречиху, растят овощи и фрукты, развозят скот и живут себе, поживают, да добра наживают.

В начале деревни, на макушке горы, стоит огромный вяз. Ему столько же годов, сколько и деревне, а сколько деревне – никто уж и не помнит. Иные говорят – сто, другие – двести, а третьи утверждают – тысяча.

От старости у вяза на толстом стволе появились глубокие морщины. И весь он стал каким-то узловатым и корявым. Некоторые сучья облупились, покраснели и посохли.

Но ты не думай, он еще долго простоит на своей могучей ноге, и ещё долго будет служить людям. В ненастную погоду и, особенно, в пургу он служит маяком, а в жару одаривает усталого путника отрадной прохладой.

Коль придется тебе побывать в деревне Родники, в колхозе Родина, то и ты посидишь под тем вязом. Он и тебя обласкает своей огромной тенью, а его листья будут лопотать и лопотать – рассказывать тебе древние легенды. И о кровавых набегах татар, и про удалого казака Стеньку Разина, который отдыхал под вязом со своей вольной вольницей, и про царский шатер Емельяна Пугачева, и про революцию – про лихую

красную конницу Буденного, которая гналась за буржуями вплоть до самого синего Черного моря, и про то как твердо стояла здесь и билась до последнего патрона наша Советская армия с бронированными фашистами и разбила их.

А когда ты устанешь от рассказов, и захочется тебе попить, то ты бегом спустишься вниз в самый конец деревни. Там среди шершавой осоки есть деревянный настил и омшелая колода, по колоде звенит веселый хрустальный родник.

Пей на здоровье.

Только, чур – не балуй!

А побаловаться хочется, покупаться – за осокой, чуть пониже, сверкает чудный пруд – раздевайся и ...

Пруд как волшебное зеркало, стерегут и смотрятся в него старые дуплистые ветлы. Они окружили озеро кольцом склонились над ним и не позволяют злым северным ветрам будоражить и мутить его прозрачную воду.

А ты не бойся, купайся, сколько тебе вздумается. Ветлы не обидят тебя. Они добрых человек не трогают. А злых и недобрых жестоко секут по голой спине своими гибкими розгами.

Они воют, а старые ветлы их секут.

Так им и надо, негодникам. Впредь не будут плутовать и мошенничать.

Неожиданная битва с драконами

Дом нашего отважного героя стоит у пруда. Вот, видишь, на взлобке с белыми резными наличниками. Хороший дом, крепкий. Перед окнами палисадник. В палисаднике рябина. Под рябиной столик. Если забраться на скамейку, со скамейки на столик то можно свободно дотянуться и до рябиновой кисточки. Но ты не ешь ее. Она еще желтая и горька-горькая. Вот к осени она созреет, будет красной-красной, как праздничный флаг, да, когда ее ошпарит морозом, вот тогда она станет ядерной и сладкой. И тогда ей с великим удовольствием лакомятся и красногрудые снегири, и хохлатые свиристели.

Рядом с палисадником крашеное крыльцо. У крыльца под цинковым желобом большая деревянная бочка. Во время дождя вода с крыши стекает в желоб, а по желобу ручьем сбегает в бочку.

Но ты не балакайся в той бочке. Это не просто бочка – это пожарная бочка. Она стоит все лето. И все лето в ней плавают головастики. Но это совсем не головастики, а личинки комаров. Они плавают, плавают в бочке, а потом превратятся в комариков и – звик в разные стороны. И тогда берегитесь.

Хобот у комарика, как иголка, и острый, и длинный.

Ра-аз – и вопьется.

Ты его – хлесть!

А он: и-и-и-и-и – и улетел.

На железной крыше дома торчит железная труба. Из трубы валом валит дым. И это очень хорошо. Значит, в доме топится печь, и, наверняка, пекут что-то вкусное. Может блины с кашей, может пироги с капустой, а может и сладкие вареники.

А когда и дом стоит, и труба торчит, а дым из трубы не дымит – это плохо.

Значит, в том доме люди или болеют, или совсем не живут.

Если болеют, то им надо помочь, а коль не живут – тут уж мы ничем помочь не сможем.

В таком доме поселилась ленивая скрипучая тоска. И лежит она день деньской на забытой кровати, на пыльном полу, на холодной печи, обрастает серой паутиной и печально глядит на разбитые окна на улицу. И пахнет в заброшенном доме несказанной жалостью.

И нам его жалко.

Стареет дом. Рушится. Гниет преждевременно. И сарай вон покосился, и плетень обвалился, и все грядки в огороде позаросли горькой лебедой. Но что поделаешь?

Уехали люди из своего дома.

Но ты их не ругай. Люди – они терпеливые и из родного дома зря не уезжают.

Выходит, что не совсем хорошо им тут жилось.

Почему? А кто его знает почему?

И земли много, и лугов много, и лесу много, и раосты много, а люди уехали.

И стоит дом сиротой. Неприбранный, неухоженный, грязный, старый и будто нищий вызывает к состраданию.

И всем, кто проходит мимо него делается стыдно. Будто и они виноватые, будто и они жили и живут не совсем уж правильно.

И мы не будем больше говорить о нем, а то и нам что-то становится совсем грустно.

Возвратимся лучше к светлому дому нашего отважного героя. Там и труба дымит, и пироги пекут, и петух во дворе кукарекает, и курицы кудахчут, и кот на завалинке мурлыкает – там настоящая веселая жизнь.

А вот и наш герой.

Ой, извините.

Он, бесстыдник, вероятно, забыл, что на улице утро, что на улице сияет во всю солнце и выскочил на крыльцо совсем без штанов.

А я-яй, я-яй, я-яй, я-яй!

Да он вовсе ничего и не забыл. Он как раз за штанами и выбежал. Видите, они висят на огородном плетне. Это бабушка Сима вчера вечером постирала их и повесила сушиться.

Почему, говорите, постирала?

Как это почему? Вы что не знаете, почему стирают штаны?

Вчера дождик был.

И какой еще дождик! Туча зашла огромная и темная-темная. Из сухих полей пыльной шальной конницей налетел со свистом ветер и почем крушить, и пошел. Сабли – молнии наголо.

Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Застонали деревья, задрожала трава, заскрипели – заплакали плетни и заборы.

Курицы – в подворотни, цыплята с клушкой – в сарай, кот – на печку.

И тут, и тут по белой шальной коннице ка-ак ударят наши красные пушки.

Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах!

И красные флаги.

И...

Уррр-ра-а-а-а! Уррр-ра-а-а-а!

И атаман ветер со своей лихой разбойничьей шайкой вмиг ускакал.

Струсил.

И наши ему вдогонку:

Ба-бах! Ба-бах!

И наша красная конница.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок!

И хлынула лавиной теплого дождя.

И все очистила, и все обмыла.

И засияло солнышко, и засверкала-заискрилась трава, и заулыбались – отряхнули последние слезы деревья. И вылезли из подворотен курицы, и вышли из сарая цыплята с клушкой, и спрыгнул с печки испуганный кот.

По дороге закружились, забурлили, зажурчали и зазвенели красные ручьи. И поплыли по ним стремительно красные кораблики. И задымилась паром мутная лужа. И поползла с обрывов мягкая красная глина.

И вы спрашиваете: почему бабушка Сима стирала штаны?

Не так-то просто их снять. Они висят на плетне. А плетень охраняет жгучая крапива. А она вон какая. Высоченная, зеленая жирная с кисточками. Видимо плетень хорошо ее кормит за верную службу.

Ну, подходи! Не тронь!

А не то хлестнет по рукам, как кипятком ошпарит. Сразу волдыри вздуются.

А может это вовсе и не крапива, а заколдованные ведьмы с ядовитыми языками?

Видишь, притаились. А сами огнем дышат.

Не-ет, злая ведьма, нас тоже не обманешь.

Где наша прославленная и закаленная в битвах острая сабля?

А вот она, в сенях на гвозде висит.

- Ура-а-а!

Раз, раз, раз.

Валяются длинные космы-волосы. Никнут, прося пощады, головы к ногам отважного героя.

Раз, раз, раз.

Падают, осыпаются листьями на землю срубленные уши.

Раз, раз, раз.

- Димка! – раздается из сеней добродушный голос бабушки Симы и она уткой выплывает на крыльцо. – Ты тут чего делаешь? А-а-а, крапиву рубишь. Молодец, внучек, молодец.

Отважный герой, разъяренным боем, недоуменно смотрит на свою бабушку и думает: Крапиву... сама ты крапива. Ох, бестолковая же ты, бабушка.

Важно и молча снимает с плетня и надевает, освобожденные в битве, штаны. Небрежно накидывает на свои могучие плечи крест-накрест ременные комиссарские подтяжки.

Почему ременные?

А такие ему бабушка пришила.

Вот теперь он готов, теперь мы можем с ним познакомиться.

Дмитрий Дмитриевич Дубов

Ему уже восемь лет.

Силы он необыкновенной. Не веришь?

А попробуй, поборись с ним. Он тебя одним махом на обе лопатки положит.

И не только тебя, с ним даже Васек Чижов не связывается, а ему почти девять лет.

А на этой неделе возле пруда под старой ветлой Димка на спор его пять раз поборол. И шестой одолел бы, да Васек обиделся, заплакал и по уху Димке двинул. И убежал.

Димка погнался было за ним, но Ваську разве догонишь. Он длинный и бегают, как заяц.

И Димка с ним никогда наперегонки не соревнуется. Бесполезно.

А так-то они друзья. И живут они по соседству.

У Васьки дом каменный, а у Димки дом деревянный.

Васька живет с отцом, с матерью и с бабушкой. А Димка живет с бабушкой Симой и с Дедушкой Дмитрием.

У Васьки в колхозе работают отец с матерью. Отец главным агрономом, а мать в конторе на счетах щелкает, а бабушка у них приезжая. Она раньше где-то не здесь жила, а потом приехала. Она на пенсии и в колхозе не работает.

А у Димки и бабушка, и дедушка в колхозе работают. Они у него еще молодые и ниоткуда не приезжие. Дедушка работает на гусеничном тракторе, а бабушка Сима дояркой.

Вот так вот.

Димкин отец

Так-то так, да и не совсем так.

Потому что с отцом и с матерью Димке, как говорит дедушка, не здорово повезло. А можно сказать, что и вовсе не повезло.

И с матерью-то еще ничего. Она в городе живет в общежитии, работает на стройке маляром и летом часто приезжает к Димке. Нарядная и веселая.

А вот отца Димка никогда не видал. С отцом творится что-то неладное. Он у него, говорят, в бегах.

Димке жалко было отца, и он как-то спросил бабку:

- А он отчего, бабка, бегают?

- От алиментов, как волк, по Сибири носится.

- Во-olk, - испугался Димка.

- Ну, волк не волк, - успокоила Димку бабушка, - а что-то подобное.

И Димка совсем расстроился. Ему совсем стало жалко отца.

Он представил себе огромное-огромное поле – Сибирь. И по тому полю бегают волк не волк, а что-то подобное – его отец. А за ним разъяренными собаками бегают эти самые алименты и охотники с ружьями.

- А вдруг они его убьют, бабушка?

- Кто?

- А те, которые за ним бегают.
- Не убьют. А и убьют, шалопая, не велика потеря. Мать выйдет замуж и будет у тебя новый отец.

- Не нужен мне никакой отец. Я с вами буду жить.
- И то верно. Дед у тебя крепкий. На твоей свадьбе еще спляшет. И я спляшу.
- На свадьбе? – насторожился Димка.
- А что?

Димка насупился. Женишься, да и будешь бегать, как отец по Сибири от этих собак алиментов.

- Нет уж, бабка, женись сама.
- Так я замужняя.
- Э-э-э, хитрая. Ты на дедушке женатая. А мне на ком? Дедушка-то у нас только один.

- Хватит нам с тобой и одного.

Димка подумал и сказал:

- Хватит. Он у нас сильный.
- Глупышка, - улыbnулась бабушка. - Нам надо с дедушкой тебя, пожалуй, усыновить.

- Как усыновить? – насторожился Димка.

-Ну так. Чтобы ты был наш.

-Зачем? – удивился Димка. – Я и так ваш.

Димкина мать

- Наш-то наш, - бабушка Сима задумчиво посмотрела на красивую фотографию Димкиной матери, нахмурилась и переставила ее со стола на комод, в угол, сказала, - Артистка из погорелого театра, - и положила фотографию вниз лицом.

- Зачем ты ее так, бабушка? – обиделся Димка.

- Заслужила, - сердито ответила бабушка.

Она всегда почему-то сердится, когда говорит о Димкиной матери. А во время ее приездов бабушка с ней часто ругается.

Бабушка хочет, чтобы Димкина мать бросила свой город и переселилась сюда на все. Жила бы с Димкой и работала бы в колхозе. И Димке страшно этого хочется. И деду этого хочется. И это было бы очень здорово хорошо. Но Димкиной матери этого не хочется.

Может от того, что бабушка ругачая?

Может...

Димка попытался дотянуться до фотографии и поставить ее как положено, но не дотянулся и сказал:

- Не любишь ты ее, бабушка.

- Кого?

- Мамку.

- О, господи! – вскрикнула бабушка. – Да в том-то и беда, Димка, что люблю я ее непутевую. Душу она мне рвет, окаянная.

- А что же вы всегда ругаетесь с ней?

- От того и ругаемся, милый, что любим друг друга.

Секрет

Когда Димка надел штаны и важно натянул на свои богатырские плечи ременные комиссарские подтяжки, бабушка сказала:

- Пора, Димка, тебе завтракать. А то мне скоро надо идти доить коров.

- Я не хочу, бабушка. А ты иди. А я как захочу, так сразу и поем, - ответил Димка.

- А ты, разве, не пойдешь со мной?

- Нет, бабушка. Я у Васьки буду. Мы с ним в войну станем играть, - и Димка посмотрел на петуха и даже замахнулся на него саблей.

Ох, не зря Димка посмотрел на петуха и замахнулся на него саблей и загнал в крапиву!

Всего скорее он прятал от бабушки свои прозрачные голубые глаза. Потому что в них, в этих правдивых голубых глазах, яснее ясного было написано, что Димка хитрит. Что ни в какую войну они с Васькой играть не собираются и что позавтракать ему очень хочется. И еще в этих глазах прятался большой-большой секрет, но он был настолько большой, что никак не умещался в Димкиных глазах и во все глаза глядел из его глаз.

Потому-то Димка и не смотрел на бабушку, отворачивался. Он страшно боялся, что секрет выскочит из-под его длинных ресниц и бабушка тут же о нем узнает.

А бабушка не должна знать об их с Васькой тайной тайне.

Иначе...

Тс-с-с!

Пока рядом с ним никого нет, я вам скажу об этом важном секрете, но только вы уж – никому. Держите его за зубами. Держите под крепким железным замком. А то и мне

попадет и вам не поздоровится. И я окажусь болтуном и вы – ябедниками. Да и книжки тогда никакой не получится.

Так вот...

Нет, погодите, возле нас что-то все кружится муха-цокотуха. Давайте ее прогоним, а то нажужжит на весь вольный свет.

Улетела. Ну, а теперь слушайте.

Димке с Васькой уходить за околицу деревни одним без взрослых строго настроено запрещено. По улице деревни они могут бегать, сколько им вздумается. И за амбарами могут играть, и за сараями в жаркой лебеде прятаться могут и даже под горой у бань от которых пахнет дымной копотью и в которых сидят по ночам страсти-мордасти, они могут скакать с саблями, а вот за околицу – ни-ни, ни шагу.

За околицу они могут выходить только с Димкиной бабушкой Симой или с Васькиной бабушкой Зиной.

Конечно, и с ними хорошо, но и не очень хорошо.

Бабка Зина часто болеет и ходит за околицу редко-редко, да и то рядышком, а бабка Сима хоть и молодец, хоть и расторопная, но она работает дояркой и ходит больше всего на скотный двор и на стойло. Там тоже интересно. Но туда Димка с Васькой ходят часто и там уже не интересно.

И вообще взрослые ходят совсем не туда, куда тянуло Димку с Васькой.

А их тянуло далеко-далеко.

Веселый родник, который течет по омшелой колоде, и который наполняет пруд, возле которого стоят старые задумчивые ветлы, вытекает из пруда через новую колоду, прячется в густой осоке, потом прячется ручейком в тростниках, а дальше украдкой пробирается по таловым кустам в луга, и там впадает в реку Озерку.

Димке с Васькой ужасно хотелось узнать: где ручей впадает в заманчивую реку Озерку, на которую их никогда не пускали одних, и как он впадает?

А главное, только это уж совсем никому не говорите, Димка с Васькой давно и страстно мечтали поглядеть: откуда начинается эта большая расчудесная река Озерка и где она кончается?

Вот какой страшный секрет прятал Димка в своих голубых глазах от бабушки.

Для похода у Димки с Васьком все было уже готово и все лежало в тайнике.

Тайник

Его вам никогда не найти. И если вы даже будете искать, искать, искать то и тогда не найдете.

Думаете он за сараем? – как бы не так. Думаете – в корявых вишневых зарослях? – ха-ха! Думаете – вон в том глухом и жарком малиннике, где Васькина кошка родила пять слепых котят? – не-ет. Думаете – на пустыре в лопухах, под которыми нашли старое куриное гнездо с двадцатью тухлыми яйцами? – ошибаетесь. Думаете – под Димкиным амбаром? – опять не угадали. Под амбаром место отличное, но там собачьей шерсти, пыли и паутины – мамоньки... Димка с Васькой однажды вылезли оттуда, и очумело стреканули друг от друга. Испугались насмерть. За седых лешаков приняли сами себя.

С тех пор они под амбар – ни ногой.

Думаете – под крыльцом? – эге, подите-ка суньтесь. Под крыльцом поселилась клушка с цыплятами. А клушка с цыплятами, она уже не курица, она прошлый раз так долбанула Ваське по лбу, что он теперь не только под крыльцо, он и на крыльцо-то не заглядывает.

Думаете – за двором в конюшне? – там клыкастый поросенок. Слышите, хрюкает.

Хрю, хрю, хрю!

Что? Я говорил, что не найдете. Лучше и не старайтесь.

Тайник – он тайник.

Он, опять возле нас муха вертится, он на-хо-дит-ся за Димкиным ого-родом. В овражке.

В овражке этот, если уйдете глядеть на него сверху, совсем не узнаете, что он овражек. Скажете: растет и растет себе буйственная крапива, как пила колючая и как огонь жгучая. В крапиве поют – звенят кузнечики. И от их жаркого звона крапива кажется вовсе душной, дремучей и непролазной.

Однако, если обойти крапиву стороной, спуститься чуть пониже, спрыгнуть с крутяка на песчаную куртинку, да раздвинуть кусты красноталой вербы, то по дну овражка можно на четвереньках пробраться к тайнику.

Он в самом центре овражка.

Там в обрывистой стене есть лаз. Но это не лаз. Здесь когда-то брали для строительства колхозного коровника глину и выкопали чудесную землянку.

Она не глубокая и полукруглая.

Димка с Васькой обнаружили ее весной, когда овражек был еще овражком, а не крапивной зарослью, которая над узким овражком смыкается многоярусным шалашом.

Дно или пол тайника застлан козьей шкурой. В глиняные стены вбиты палки – гвозди. На гвоздях висят ружья, автоматы, пистолеты, сабли и кинжалы.

Ружья, автоматы и пистолеты железные – покупные, а сабли и кинжалы деревянные. Но они все равно длинные и острые. Димка с Васьком сами их выстругали. На совесть.

Сбоку уступчик. На уступчике квадратная доска. Это стол, на столе книжка.

Книжка про братьев разбойников. Про добрых, веселых и озорных. Они называются разбойниками, а грабить никого не грабили.

Димка с Васькой наизусть знали эту книжку. Но все равно читали, потому что она все равно была интересной.

Братья разбойники боролись за правду, боролись со злом и помогали бедным и угнетенным.

И Димка с Васькой будут всю жизнь бороться за правду, сражаться со злом и помогать бедным и угнетенным.

Это они решили точно и твердо. Даже поклялись на саблях.

«Порази меня гром и разрази меня молния, если я не помогу обиженным и оскорбленным».

Вот какую страшную клятву дали друг другу Димка с Васькой.

На полу тайника лежал маленький Димкин рюкзак. В рюкзаке кусок колбасы, булка, банка сгущённого молока и патроны для автоматов.

Кусок колбасы и банку сгущённого молока привезла Димкина мать из города, но он приберег их для похода.

А патроны – они воображаемые. Их много, полный рюкзак и они тяжелые, но мысленно тяжелые.

Однако Димка с Васькой не боялись трудностей.

*Схватка с рогатым и
бородатым Чудищем*

И все у Димки с Васькой в то утро получалось просто расчудесно.

И тепло стояло. И солнышко сияло. И облака на небе плыли редкие и маленькие. И ветер почти не дул. И никаких черных туч не предвиделось.

Димка сказал бабке, что он будет играть у Васьки, а Васька сказал бабке, что будет играть у Димки.

И обе бабки поверили.

Бабка Сима ушла на ферму, а бабка Зина занялась прополкой огорода.

А Димка с Васькой огляделись, не подсматривает ли кто за ними, и стрельнули за амбар. Здесь они затаенно постояли и еще раз огляделись. Проползли по лужку до репейников и короткими перебежками направились в свой тайник. Обогнули заветный крапивный овражек и только хотели спрыгнуть с крутяка-обрыва, да не спрыгнули.

Внизу на песчаной куртинке, возле красноталой вербы стоял и сердито смотрел на них драчливый Березин козел Бодай. На шее у козла, как у цепной собаки, был ошейник. К ошейнику привязана веревка. Веревка была длинной предлинной и ежели козел рассердится то он, пожалуй, достанет Димку с Васьском и тут – на бугре.

Димка с Васькой озадаченно переглянулись.

- И никакой это, Васьк, не козел, - сказал Димка, - это рогатое и бородатое чудище.

И как только он это сказал, так козел в их глазах стал расти, расти и расти. И вырос в огромного лохматого быка.

Рога превратились в две кривые бандитские сабли, глаза – в стеклянные фонари, седая борода пожелтела от гнева.

- Бе-е-е-му-у-у! – заревел козел-бык и грозно двинулся на Димку с Васькой.

Димка с Васькой временно отступили за огородный плетень. Но это бел не плетень. Это насмерть стояла их верное войско с острыми пиками.

Димка с Васькой тоже вооружились пиками и ...

- Ура-а-а!

- Ура-а-а!

Бородатое чудище попятилось. Наклонило голову, выставила вперед кривые рога-сабли. Заняло оборону.

Димка с Васькой остановились на краю обрыва. Дальше спускаться было рискованно. А вдруг чудище – козел ринется в атаку.

Бодай – он и есть Бодай.

Прошлый раз пятиклассник Сенька растравил его, раззадорил, а убежать не успел. Понадеялся, что Бодай на веревке. А веревка-то оборвалась. И Бодай так долбанул Сеньку, что тот семь раз перекувыркнулся. И с разорванными штанами без памяти влетел на крышу сараюшки. А Бодай с разбегу в дверь – аж доску вышиб. Правда она была полугнилая и надтреснутая, но все равно.

- Артиллерия к бою! – скомандовал Димка.

И Димка с Васькой выдвинули из укрытия свои дальнобойные пушки, а главное натаскали две груды снарядов – глиняных комков.

- Заряжай! – крикнули разом два командира, они же и наводчики, они же и стрелки.

- Прицел!

Димка с Васькой прищурились.

- Пли!

- Пли!

- Пли!

Рогатое чудовище дрогнуло и трусливо бежало. Бежало на всю длину веревки.

Димка с Васькой спрыгнули на песчаный пятачок, поспешно раздвинули кусты красноталой вербы и ползком нырнули под крапивные заросли.

Козел запоздало бросился в атаку. Уперся рогами в кусты и тупо остановился. Гневно затряс бородой и злобно затопал копытами.

- Бе-е-е-регись!

И снова бой

В тайнике было хорошо. Уютно и прохладно. Сладковато пахло волглой глиной.

Димка с Васькой посидели. Отдохнули. А как же? После боя всегда положено отдохнуть.

На стенах тайника играли солнечные зайчики.

Димка поймал одного на ладошку, погладил, поласкал и выпустил. Вздохнул и ничего не сказал.

И чего скажешь, когда ты в окружении, когда со всех сторон враги.

Выход стережет вонючее рогатое чудовище, а крутые склоны оврага захватили ядовитые войска крапивы. И возглавляют эти войска красноголовые пузатые генералы репейники.

Конечно, Димка с Васькой теперь вооружены. Вооружены до зубов. На плечах у них автоматы, в карманах пистолеты, на боках висят длинные острые сабли.

И патрон у них хватит. И солдат у них много. Они не видимые, но храбрые и отважные и драться они будут насмерть. Потому, что сражаются они за правое дело. За свободу, за солнышко, за голубое небо.

- Вперед! За мной! – крикнул Димка и они с Васькой, выхватив сабли, врезались в гущу противников.

Сабли их сверкали, как молнии.

Они рубили и направо, и налево.

- А-ах! А-ах! А-ах!

Карабкались по отвесным скалам, падали за уступы и яростно палили из автоматов.

- Та-та-та! Та-та-та! Та-та-та!

Швыряли гранаты.

- Бууммм! Бууммм!

Вскакивали и снова кидались в рукопашную.

- Ура-а-а!

- Ура-а-а!

Но и солдаты противника сражались геройски. Они не отступали и не сдавались. Они падали и умирали, падали и умирали.

Но и Димке с Васькой досталось крепко.

На берег оврага они выбрались опаленные и обожженные.

Похоронили павших товарищей. Склонили над их братской могилой знамена и произвели салют.

- Ба-бах!

- Ба-бах!

- Ба-бах!

А над головами Димки с Васькой сверкало свободное солнце, а впереди раскинулась перед ними зеленая даль лугов. По лугам бежала извилистая гряда тальника. И тянулась она вплоть до самого синего леса с бронзовыми стволами. А возле этого синего леса с бронзовыми стволами текла расчудесная речка Озерка. А там... а там...

И что поджидало наших отважных героев пока никому неизвестно.

Козлиное вероломство

И совсем было, Димка с Васькой отправились в поход. И автоматы на плечах поправили, а шашки вложили в ножны, и спустились уже к лугам, да остановились и призадумались.

Уж очень жалобно заблеял козел.

- Нет, Васьк, - сказал Димка, - это наверно все-таки не чудище, а козел. А за что бабка Березиха мучает его? Всегда привязывает на веревке.

- А за что, Димк, она его привязывает, - сказал Васек, - что его нельзя не привязывать. Он блудня и бодачий драчун.

- Нет, Васьк, - сказал Димка, - она его не за то привязывает на жаре к колышку. Она сама ведьма. Помнишь, как она огрела нас палкой когда мы с тобой хотели забраться на ее огород за малиной. Мы еще и не залезли, а она уже огрела нас. А откуда она узнала: о чем мы думаем? А оттуда – ведьмы они все знают. Хорошо еще, что она не заколдовала нас и не превратила в козлов.

И это, Васък, вовсе не козел, а братец Иванушка. Вишь, как он плачет. Это он зовет свою сестренку Аленушку.

- А где она, Димк? – спросил растроганный Васек.

- А ее, Васък, утащил Кощей бессмертный

- Сказки, - заулыбался Васек.

- Нет, Васък, не сказки. Мне бабка говорила.

- Что она тебе говорила?

- Она говорила, что на берегу реки Озерки, куда мы с тобой идем, далеко, далеко стоит сухой дуб, в том дубе есть дупло, а том дупле живет утка, в той утке есть яйцо, в том яйце есть маленькое солнышко – желток, в том желтке спрятано сердце Аленушки.

И если то яйцо принести домой и положить под клушку то произойдет живое чудо.

- Какое чудо?

- Мертвое яйцо лопнет и из него выпорхнет живая душа. И рассеется мрак и засияет солнышко.

- А оно и сейчас, Димк, сияет.

- Это для нас с тобой. А для Аленушки, а для козла Иванушки?

Васек задумался.

- А что же нас тобой, Димк, делать?

- Надо сначала освободить козла.

- А может, сначала найдем яйцо?

- Кто же так делает, - сердился Димка, - надо все по порядку. Сначала освободим козла, потом найдем реку, на реке найдем дуб, на дубу найдем дупло, а из дупла уж вынем яйцо.

- Ладно, - согласился Васек, - но только задорить козла мы не будем.

- Не-е, мы освободим его и пойдем дальше.

- А чего это он, Димк, глядит на нас? Пойдем лучше дальше.

- А мы незаметно. Мы ползком. Вот-то он обрадуется. И сестренка Аленка обрадуется.

Однако Димка ошибся.

Как только они подкрались к колышку и отвязали веревку, козел вмиг очутился рядом.

Димка с Васькой вскочил и, что было мочи, пустились наутек. Но было уже поздно.

Козел поддал рогами одному, поддал другому, а когда наши отважные герои улетели в колдобину и запутались там, в бурьяне, козел радостно захохотал:

- Бее-е-е-хе-хе-хе-хе! – потрянул седой бородой, взбрыкнул копытами и умчался.

- Нет, Димк, это совсем не братец Иванушка, - сказал Васек, потирая ушибленную спину. – Это самый козлющий козел. И рога у него железные. И зря мы его отвязали от колышка.

Димка подумал и сказал:

- Это колдун.

Васек глянул на друга и в страхе оторопело попятился.

- Ой, Димка, от тебя в козла превратил!

- Ты что, Васек, ты что? – испуганно заморгал ресницами Димка.

- Ой, не подходи. У тебя на лбу уже рог растет.

- Это не рог, Васька, не бойся. Это шишка. Я, когда упал, на автомат ткнулся.

Потрогай. Видишь, она мягкая.

Васька осторожно и робко ощупал Димкину шишку и расплылся в радостной улыбке.

- И правда.

- А ты думал?

- А я думал...

И Димка с Васькой весело засмеялись, поправили на плечах автоматы, выхватили из ножен сабли, вскочили на лихих коней и вихрем поскакали по тропе.

Мрачный замок Кикиморы

- Гей! Гей!

- Гей! Гей!

Отчаянно размахивали саблями Димка с Васькой.

- А-а-а! О-о-о! И-и-и! – визжали в панике и во всю прыть удирали от наших славных героев трусливые противники.

- Бей! Бей!

- Ура-а-а!

Скакали и скакали на взмыленных конях Димка с Васькой.

Скакали навстречу солнцу, скакали на встречу ветку. А тропа все сужалась и сужалась. А они все скакали и скакали.

Тропа обогнула осоку, обогнула огородный плетень, выбежала за околицу и едва заметной стежкой заковыляла в высокой трав по берегу ручья.

А вот и последняя заброшенная баня.

- Стой! – скомандовал Димка, сорвал с плеч автомат и спрыгнул с тропы и залег в траву.

- Ты чего?

- Тише.

И Васек замолк, осторожно приподнялся и тревожно завертел головой.

Нигде никого.

В воздухе звенит жаворонок. В траве стрекочут кузнечики. В овражке журчит ручей. На небе редкие облака и жаркое солнышко.

Впереди старая баня. Кривая и сгорбленная. На крыше растет зеленый мох и чахлая полынь. Двери в предбаннике нет. И в саму баню двери нет. И изнутри бани выглядывает пугливая темнота. Оконце выбито и из него тоже выглядывает чернота.

Баня, как баня, и чего Димка на нее так уставился?

- Видишь? – загадочно тихо спросил Димка.

- Нет, Димк, ничего не вижу. Мотыльки на цветах мелькают, да ворона вон пролетела, прокричала.

- А это что?

- Баня.

- Какая баня? Какая ворона? Это заколдованный замок. Это она приbedняется баней. Вишь, как нищенка, скукожилась. Я, мол, не я. Я, мол, убогая и вы меня не трогайте, пожалейте. А по ночам, Васьк, она вздрагивает, как крыльями, взмахивает дряхлой крышей, и превращается в сказочный дворец.

- Ну, Димка, ты скажешь...

- Да, да. И бабушка мне сказывала.

- Чего?

- Что на этом месте, на ручье стояла когда-то мельницы. Но хлеб на ней никто не молот. И никто на ней не жил. И днем она не работала. А по ночам мельница оживала. Вертелись колеса, скрипели жернова, светились огни, слышались голоса, а заглянешь – никого нет.

А потом мельница сгорела и осталась только эта баня. И, бабка говорила, что люди видели, как в полночь эта баня выростала из темноты и превращалась в сказочный замок. С каменными башнями, с крепостными стенами. В воротах – стража. На стенах пушки. А кикимора, которая прячется в этой бане, из мрака превращается в светлую красавицу. Но это она только превращается в светлую красавицу, а на самом деле она черная.

И живут у нее заколдованные невольники. И работают они на невидимой мельнице. А та мельница перемалывает кремень-камни. А те кремень-камни достают

невольники из заброшенного колодца. А из тех камней невольники добывают для Кикиморы золото.

А Кикимора мучает невольников и бьет их плетками и розгами.

А мы их, Васьк, должны освободить.

- Ой, Димка, боязно. Мы уж с тобой освободили одного невольника. Да он нам же и навтыкал.

- Когда? – не понял Димка.

- А козла-то.

- Ну, Васьк, то козел. Козел он бестолковый.

- Бестолковый, а шишка-то у тебя на лбу вон какая толковая.

- А он, Васьк, по-моему тоже служит у Кикиморы. И ворона которая пролетела и прокаркала, служит у Кикиморы. Козел – стражником, а ворона – шпионом поглядчиком. И она не просто прокаркала, а она сообщила Кикиморе, что на нее двигаются бесстрашные Димка с Васькой. И что вооружены они скорострельными автоматами и что в руках у них острые сабли. И что срубят они этими саблями твою косматую черную голову и освободят от твоей злой неволи твоих невольников...

Штурм старого замка

- Гранаты к бою! – вскрикнул Димка. – Огонь!

Но взрыва не последовало.

Димка грозно глянул на Ваську.

- А нету, Димк, - виновато ответит тот, - ни единой гранаты не. Ни голыша, ни камня, ни комка. Трава одна только.

- Из автоматов короткими очередями – пли!

- Та-та! Та-та!

- Та-та! Та-та!

Димка с Васькой прыгнули вперед и снова залегли.

Баня была рядом. Баня подозрительно молчала.

В темный проем двери за Димкой и Васькой скрытно следила черная Кикимора. Однако, как она не пряталась, они ее все равно видели. Ведь они наблюдали за баней в зоркие бинокли. Димка – в командирский, а Васька – в комиссарский. В подставленные к глазам полу-сжатые кулаки.

- А не кажется ли тебе, Димк, что там кто-то елозит, - прошептал Васек.

- На крыше?

- Нет, в бане, за чернотой двери. Видишь там угол печки и глаза.
- Вижу. Это сама Кикимора притаилась.
- Волосы-то, волосы-то... всю баню опутали и светятся.
- И шевелятся...
- Ух, Димка, у меня что-то по кожу мурашки забегали.
- Это Кикимора на тебя страх напустила.
- А на тебя?
- И на меня тоже.
- А что же нам, Димк, делать?
- Надо крикнуть. Страх он крика боится.
- Давай вместе.
- Давай.

Димка с Васькой приоткрыли рты, набрали в себя полные животы воздуха и только хотели крикнуть, а может уже, и крикнули, они точно не помнили, как из бани под гнилую крышу вымахнуло что-то огненное.

- Ты живой, Димк?
- Живой.
- Вот это страх!
- Это не страх. Это рыжая кошка.
- Врешь?
- На крыше сидит.

Васек опасливо приподнял голову.

На крыше действительно сидела пушистая рыжая кошка.

От стыда и срама Димка с Васькой вскочили, отчаянно застрочили из автоматов, и смело бросились на штурм крепости.

- Тр-р-р-р! Тр-р-р-р-р!
- Бум! Бум!
- Тр-р-р-р! Тр-р-р-р-р!
- Бум! Бум!
- Бабах! Бабах!

Димка с Васькой победно ворвались в разрушенный предбанник крепости, шагнули было в самую баню, да попятились, отскочили и залегли в траву.

В бане качалась седая паутина. Валялся огромный черный котел, груда битых кирпичей от которых пахло мраком, а по углам затаилась непроглядная темнота и в той темного мерцали какие-то подозрительные зеленые огоньки.

Зеленые огоньки

- Ой, Димка, пожалуй, нам надо поскорее отсюда уйти.

- Как это уйти?

- А так, мы же на реку хотели.

- Нет, Васък, на реку мы потом.

- А вдруг, Димк, это и вправду Кикимора. Глазища-то вон как горят.

- А это мы сейчас проверим, - Димка по-пластунски пополз вперед. Васек последовал за ним.

Перед разрушенным предбанником Димка затаился, осторожно приподнял голову.

- Эгей!

В бане что-то загудело и заворчалось. Проем двери дохнул пылью.

На Васькиной голове кто-то взъерошил волосы.

Васька тревожно огляделся.

Никого.

- Это ветер, Васък, не бойся. Ветер.

- Да-а-а, ветер. А что же он как дернул.

- Это он взвихрился.

- А что же он у тебя не взвихрился?

- Он и меня дернул.

- Вот видишь. Это она – Кикимора. А ты: ветер. Ветер не дергается.

- Стой, Васька.

- Ой, Димка, она меня за нос, - застонал, и очумело обмер Васька.

- Не шевелись, - и Димка резко взмахнул над Васькиным лицом ладонью. – Ага, попалась.

- Она?

- Она.

Димка из всей силы стиснул и разжал кулак.

На его ладони лежал большой мертвый слепень.

- Думаешь это Кикимора?

- А то. Она в кого угодно может превратиться.

- И в тигра?

- И в тигра.

- Ну, ее, Димк, пойдем дальше. Пусть она тут живет. Все равно эта баня ничейная.

- Нет, Васьк, ее надо прогнать. Она по ночам в деревне балует. Куриц ворует. Ты думаешь, отчего у Савельевых петух пропал? Она утащила.

- Иди ты!

- Сам видел.

- Врешь?

- Провалиться мне на этом месте. Встал ночью, подошел к окошку, а она летит.

Клюв – во, глаза – во, когти – почти как бабушкины старые серпы. Летит и – бух в пруд.

- А в пруд-то, Димк, зачем?

- А спроси ее. Наверное, в рыбу превратилась или в луну.

- Ди-имка-а, - испуганно округлил глаза Васек, - гляди – и-ко-о...

Димка обернулся и тоже окаменел от страха.

По тропинке прямо к ним скакал козел Бодай, за ним тянулась длинная веревка, а за веревкой бежала бабушка Березиха.

- Ну, Димка, ну, Васька, - грозились бабушка, - я вам задам, окаянные.

М-м-мда-а-а...

Положеньице...

Впереди в бане притаилась Кикимора, а за спиной на тропе приближалось рогатое Чудище с ругачей бабушкой. А бабушка с хворостиной.

Димка с Васькой нырнули в баню. Уж лучше Кикимора, чем козел с бабушкой.

Кикимора все-таки выдуманная, а козел с бабкой - они настоящие.

А зеленые огоньки?

Димка с Васькой тревожно огляделись.

По углам мрачной бани искрились зеленые капельки.

- Ой, Димка! Это вовсе и не Кикимора, - радостно прошептал Васек, - это звездочки с неба на день попрятались сюда.

- А ты что думал? – засопел Димка. – Конечно звездочки. И не простые, а волшебные.

- А отчего это, Димк, они холодные. Горят, светятся, а не жгутся?

- А от того, Васьк, и не жгутся, что волшебные.

И друзья осторожно вынесли свои волшебные звездочки на улицу. И, о чудо! – звездочки на свету сразу потухли, а на ладонях у Димки с Васькой лежали невзрачные желтоватые дубовые гнилушки.

- Я же говорил тебе, что они волшебные.

Васек вернулся во мрак бани, и звездочка на его ладони вновь вспыхнула и замерцала зеленым огнем.

Глава без названия

Димка с Васькой вышли на тропу и весело отправились дальше.

Теперь им никто не страшен.

Они храбро победили рогатое Чудище, захватили с боем замок и прогнали Кикимору. А в награду за это у них в карманах лежали настоящие волшебные звездочки. Такие же, как и на небе, которые горят только по ночам и во тьме, а днем и на свету гаснут.

И пусть другие думают, что у них в карманах лежат простые никчемные гнилушки. Но это не гнилушки, а звездочки. И они могут любоваться в эти звездочки в любое время. Стоит ли сложить ладошки ковшиком, поднести к глазам и совершится чудо.

- Горит, Димк?

- Горит.

- А у меня две.

- А куда тебе, Васьк, две?

- А одну я, Димк, Верке отдам.

- Зачем?

- А пусть и у ней будет своя звездочка.

Димка подумал, пошевелил губами и сказал:

- Пусть. Верка, она хорошая. Не жадная. Я, когда вырасту, я с ней женюсь.

- А почему, Димк, ты? – обиделся Васек. – Она, Димк, не у тебя в соседях живет, а у меня. И моя бабка всегда говорит: «А вот и невеста, Васенька, твоя пришла». И моя мама ей свою красную ленту подарила. А твоя мама ей ничего не подарила.

- А Верка меня конфетками угощала.

- Хы, она и меня угощала. И много-много раз. И ее белая кошка часто с нашим котенком играет, вот.

- А моя бабушка прошлый раз Верке яблоко дала. Мама привезла из города два. Одно съел я, а другое бабка отдала Верке.

- Да-а, Димк, она его не стала есть. Ты сам его съел. И мне еще давал откусывать.

- Но все равно бабка ей отдала.

- А мой папа с Веркиным отцом дружит. И в шахматы с ним играет.

Димка нахмурился.

Он вспомнил про своего отца, который бегаёт где-то по Сибири от каких-то собак – алиментов и сказал:

- Ладно, Васьк, женись на Верке ты. Только потом уж не жалуйся.

- На что?

Димке не хотелось говорить об отце, и поэтому он уклончиво сказал:

- Там узнаешь.

И улыбнулся.

Васька насторожился. Уж очень загадочно и грустно улыбнулся Димка. Значит он знает что-то такое, чего он, Васька, совсем не знает.

- А давай, Димк, вместе женимся на Верке. И никому не будет обидно.

- Э-э-э, какой хитрый, - засмеялся Димка.

Васька украдкой вынул из кармана маленькую гнилушку – волшебную звездочку, поглядел на нее, вздохнул и уронил в высокую траву.

Сказочное богатство

Тропинка от бани спустилась в низину, и Димка с Васькой утонули в высокой высоченной траве. Такой высокой, что поднимешь руку, а ее нисколечко и не видно. Пальцы едва-едва дотягиваются до густых и тяжелых метелок.

Никогда Димка с Васькой не думали, что есть такая высокая и густая трава. Димка воткнул в нее саблю, а она, как в стоге сена, торчит и не падает.

Вот это трава. Не трава, а сплошная зеленая стена. И не стена, а две стены. Стена справа и стена слева, а между ними коридорчик тропки. Узенький и мягкий. А мягкий от того, что под ногами тоже трава, но только примятая. Примятая, а тоже зеленая. Идешь, будто по матрасу ватному.

- Хорошо.

- Хорошо-то, Димк, хорошо. Да уж больно что-то страшно. Утону ли, как в озере, с ручками и головками. И деревня-то пропала, и невидно ничего кроме солнышка.

- Оп-па! – остановился, словно вкопанный Димка.

- Ты чего? – едва не наскочил на него Васька.

- Гляди-ико.

На тропе сидел огромный зеленый кузнечик. Такой огромный и такой зеленый, какого они отродясь еще не видели. Не кузнечик, а бронированное страшилище. Лобастое, ногастое, глазастое, усатое и с крыльями.

Васек вынул саблю.

- Не надо, Васьк, не надо. Тише. Мы его возьмем в плен живым.

- А зачем он нам?

- Эх, ты, зачем. Это не просто кузнечик. Это самый главный кузнец. Значит здесь у них самая главная кузница. А в этой главной кузнице, рассказывала мне бабка, кузнечики на серебряных наковальнях хрустальными молоточками куют из жарких солнечных лучей золотые нити.

- А куда они их, Димк, девают?

- А они, Васьк, обвешивают золотые нити бриллиантами и рано-рано утром украшают свою любимую траву-мураву. Вот отчего она по утрам вся сверкает, и блестит, и светится.

- А что, Димк, это за бриллианты?

- А откуда я знаю. Бабка говорила: это камни, которые переливаются, как ключевая вода.

- Ну-у, Димк, - скривился Васек, - а куда они нам? Воды-то и без камней вон сколько.

- Ты что, Васьк, они знаешь, какие дорогушие.

- Ну и что?

- Богатыми будем.

- Зачем?

- Купим все-все, что нам надо.

- А что нам, Димк, надо?

- Что?

Димка взглянул на Ваську.

Васька взглянул на Димку.

А и правда, чего им надо?

Солнышко. Тепло. Ласковый ветер. Высокая трава. Над травой нарядные мотыльки. За спиной у Димки вещевой мешок. В вещевом мешке булка, кусок колбасы, банка сгущенного молока. Они ушли от бабушек. На боку у них острые сабли. На плечах у них автоматы. Они идут на далекую чудесную реку Озерку, и за каждым поворотом их ждет бесконечно радостный, удивительно светлый, фантастический, полный неожиданных загадок мир.

И не надо Димке с Васькой никакого иного богатства.

- А бриллианты, Васьк, мы отдадим твоей Верке.

- А ей, Димк, зачем?

- А она ими играть будет. Девчонки, они любят блестящие игрушки, - и Димка протянул к зеленому страшилищу руку.

- За ноги его, Димк, за ноги хватай.

Кузнечик пошевелился и грозно задвигал челюстями.

Димка с Васькой испуганно попятились.

Хоть он и кузнечик, а кто его знает?... Челюсти-то у него вон какие. И тропа-то узкая. И трава-то высокая.

- Брысь! – вскрикнул Васька и храбро взмахнул саблей.

Кузнечик прижался к земле.

Димка с Васькой подумали, что он струсил, что он сдается, и Димка снова протянул было к нему руку, но страшило вдруг прыгнуло и тяжелым вертолетом ринулось в атаку.

- Вот бы в лоб! – и Димка послал вслед противнику длинную автоматную очередь.

И сбил его.

И кузнечик упал в траву.

Димка с Васькой искать его не стали, а радостные выбежали по тропинке на взлобок и удивленно обомлели.

Волшебный замок грез

Перед ними почти на самой тропе рос огромный, весь усыпанный нежными цветами куст шиповника. Не куст, а заревое облако.

- Так вот где, Димк, главная-то кузница, - восторженно выдохнул Васек.

- Нет, Васьк, это не кузница, это волшебный замок грез.

- А что это, Димк, такое?

- Это... Это... Это, Васьк, такое, - Димка в затруднении потер лоб, - ну этакое... И будто сон, и будто не сон.

- Какой же это сон, Димк, это колючий шиповник.

- Нет, Васьк, это не колючий шиповник, это заколдованный сказочный дворец.

- А кто, Димк, в нем живет?

- А живет в нем, Васьк, добрая волшебница снов. У нее что ни попросишь – она все исполнит.

- А давай, Димк, попросим у нее мороженого. Жарко уж очень.

- Ты что, Васьк. Она же волшебница снов. Вот ежели ты ляжешь спать и очень-очень чего захочешь и попросишь ее, она во сне все тебе сделает. Хоть тыщу мороженных принесет, хоть две тыщи, хоть целую гору.

- Ну, Димк, скажешь тоже. Как это она принесет целую-то гору? Оно ведь склизкое.

- А вот так. Возьмет и принесет.

- Если хочешь, и на бульдозере привезет. Свалит прямо к твоим ногам и скажет: «ешь, Васька, да не жадничай и Димку угощай». А мы и Верку позовем и Мишку, и всех-всех мальчишек и девчонок крикнем: «Гей-гей! К нам – к нам! Скорее с ложками!».

- Ну, Димк, Мишку не надо. Он дерется.

- А мы ему, Васьк, знаешь что? – зашептал Димка, - Мы попросим волшебница, чтобы она принесла ему вместо мороженого горчицы. Он – ам, откусит и запрыгает.

Васек радостно захохотал.

- Так ему и надо. – Но тут же задумался. – А не будет ли он, Димк, еще злее с горчицы-то?

- Тогда мы вот что: мы попросим – пускай у него руки отсохнут.

- Не, Димк, страшно.

- Так это же, Васьк, во сне.

- Мало ли что, что во сне. Он и во сне сухими-то руками стебанет – с кровати свалишься. Так-то еще ладно, а сухими-то... - Васька даже зажмурился. – Нет, Димк, не надо. Лучше уж пусть так дерется.

- А давай ему, Васьк, навтыкаем.

- Давай, а как?

- Ты вставай тут, а я здесь. А Мишку поставим в середину.

- А где мы его возьмем, Димк?

- Ха, где. Поставим ди и все.

Димка резко обернулся, сгреб воображаемого Мишку руками и с силой поволок на то место, где он должен был стоять.

Мишка сопротивлялся, брыкался, лягался.

Димка корчился от боли, извивался, пыхтел, наконец из ловчился подставил Мишке подножку и бросил его к Васькиным ногам.

- Бей его, Васька, пока он вражина, не попросит прощения.

Васька брасом упал на Мишку, оседлал его и начал дубасить кулаками.

- Будешь драться, будешь, будешь!

- Ай, ай, ай! – завизжал Мишка.

- Вот тебе, вот! – продолжал колотить Васек, - Вот! Вот!

- Хватит, - сжалился Димка.

Но Васька не унимался. Он выхватил саблю из ножен и приставил к Мишкиной груди острую саблю.

- Проси, Мишка, злой фашист, прощения.

- Прос-ти-те! – прошептал Мишка.
- Будешь еще драться?
- Не бу-ду.
- Поклянись страшной клятвой.
- Пусть меня, как Марьину овцу, разорвут волки.

После этой страшной клятвы Димка с Васькой враз притихли и с тревогой огляделись.

Марьину овцу волки разорвали совсем недавно и где-то совсем недалеко.

Однако вокруг трепетала радость.

Ярко искрилось солнце, колыхалась трава, звенели жаворонки, стрекотали кузнечики, каркали – перекликались грачи, в низине в таловых кустах ворковал ручей и над чем-то громко и дружно хохотали лягушки. А перед Димкой и Васькой живым костром полыхал розовый куст шиповника – сказочный замок волшебницы грез.

И деревня-то рядышком. Вот она – рукой подать. Вон и Васькин дом, вон и Димкин дом. А вон и Васькина бабушка Зинаида в огороде пропалывает грядки. Белая кофточка, соломенная шляпа.

Где волки? Какие волки?

Васька храбро снял автомат.

- Тра-та-та! Тра-та-та!

И разбойники-волки бежали.

И Ваське с Димкой стало совсем не страшно.

Над розовым кустом кружились весёлые пчелы и угрюмо гудели мохнатые деды-шмели.

Волшебница грез кормила их душистым пахучим медом.

Пчелы и шмели улетели, возвращались и вновь улетели.

- Это они, Васьк, разносят спящим людям сладкие сны.

- А мне бабка говорила, что сны, Димк, приносит тихая волшебница ночи.

- Она, Васьк, тоже приносит, но она приносит страшные черные сны, а волшебница грез приносит только веселые и радостные.

- А давай, Димк, сорвем по цветку.

Димка нахмурился.

- Ну, чего ты?

- Не думал я, Васьк, что ты такой хитрый и жадный. Ты хочешь, что бы хорошие сны снились только тебе одному да, а другими пускай видятся черные и злые.

- Я, Димк, не себе,- погрузнел Васек, - я бабке, – и вздохнул.- Она у нас совсем плохо спит. Говорит, что по ночам ее мучают кошмары.

- Ну, это, Васьк, другое. Для бабки, Васьк, можно. Она старенькая. Для бабки, Васьк, волшебница грез не обидится.

В таловом плену

Димка с Васькой сорвали для хворой Васькиной бабушки самый лучший цветок, чтобы ей снились самые хорошие, самые счастливые, самые веселые и нарядные сны. Для сохранности завернули цветок в сочный и мягкий листок мать-и-мачехи и осторожно сунули в карман рюкзака. Радостные вскочили на лихих коней и...

Тропка обогнула куст шиповника, сбегала с горки и нырнула в густые непролазные тальники.

Димка с Васькой остановились.

Где-то там глубоко в тальниках журчал ручей и таился страх. И этот страх пугал наших отважных героев и манил своей дремучей загадочностью.

Дунул ветер, и кусты о чем-то таинственно зашептались. Ветки то наклонялись одна к другой, то отстранялись, то кидались в объятья.

Ветер утих, и кусты вмиг к чему-то чутко прислушались.

Квакнула лягушка.

Жалобно пискнула зажатая в зеленой гуще птица. Но вот она вырвалась на самую высокую макушку самого высокого куста и вся затрепетала от возмущения. Перепорхнула поближе к Димке с Васькой и о чем-то беспокойно затинькала. Подлетела еще ближе, всхлипнула, отлетела и вновь подлетела. Запрыгала, закружилась и, о чем-то рассказывая, застрекотала захлеб.

- Это она нас, Васьк, зовет. У нее что-то случилось.

В подтверждение Димкиных слов в кустах сиротливо заплакали птенцы.

Серая пичуга взъерошилась, беспомощно замахала крыльями, суетливо заскакала с ветки на ветку.

Димка с Васькой выхватили сабли и решительно двинулись в чащу.

Там кто-то страдал. Там кто-то просил о помощи.

Растревоженные жалостью наши отважные герои, забыв о страхе, о себе и обо всем на свете, отчаянно продирались сквозь дурманное сплетение тальника, борщовника, дудочника, ежевичника и пырей-травы.

Едва заметная тропка вихляла и петляла, подныривала под коряжник, перепрыгивала через валежник, а потом вильнула и потерялась совсем. И тальники становились все выше, толще, гуще и непролазней.

Скрылось солнышко.

Дохнуло погребным мраком и сыростью.

Димка с Васькой озадаченно переглянулись. Шевельнулась тревога.

Но маленькая беззащитная пичуга истошно запикала-заплакала где-то чуть в стороне, и они, охваченные состраданием, метнулись к ней.

Они спотыкались, путались в колючем ежевичнике, падали. Они продирались сквозь корявые переплетения, обжигались крапивой. Их царапали сухие ветки, хлестали по лицу упругие дубцы.

Их острые сабли притупились.

Их сильные руки устали.

А пичуга пискнула и пропала.

И вместо нее перед Димкой с Васькой вдруг тяжело плюхнулась на кусты лохматая ворона. Кусты закачались и пригнулись. Ворона уселась поудобнее, недобро глянула на Димку с Васькой и злобно каркнула.

Димка с Васькой поскорее спрятались в лопухи. И правильно сделали. Потому что они знали, что никакая это не ворона, а лесная разбойница.

А они и сами были разбойниками, но они были светлыми разбойниками. А она была серой разбойницей. А с серыми и черными разбойниками, которые обижают слабых и маленьких, у Димки с Васькой разговор короткий. Они метко прицелились и:

- Тра-та-та!

- Тра-та-та!

Ворона взметнулась и, вся насквозь пробитая пулями, улетела за кусты умирать.

Вот так-то вот.

Дурман трава

Димка с Васькой выбрались на солнечную поляну и упали в дурман-траву отдыхать.

Не знали они, что это была не просто поляна, а заколдованная поляна. Она вся была усыпана цветами.

По краям ее распахнул большие белые зонтики сочный борщовник, из-под его лопушистых листьев заманчиво выглядывали темно-синие колокольчики, с кустов, будто

праздничные украшения, свешивались гирлянды розоватых вьюнков, в центре золотистым хороводом кружились высокие одуванчики.

Но отчего-то не стучали тут торопливые кузнечики, не порхали над цветами нарядные мотыльки, не гудели лохматые шмели, не жужжали хлопотуньи пчелы. А весела над поляной душная подозрительная тишина.

Но наших отважных героев она не напугала.

Они лежали, блаженно раскинув руки и ноги.

А жаль.

На поляне рядом с борщовником притаились пятнистый болиголов и вех ядовитый, из травы угрюмо следил за Димкой с Васькой черный вороний глаз, а над их головами коварно склонились чашечки обманчивых цветов дурмана.

И пахли они как-то странно. И грустно, и сладко, и печально. Будто и не пахли, а плакали. И плакали не от горя, не от обиды, а от светлой радости.

Ведь кругом же было светло.

Сияло солнышко, сияла прозрачная синь неба, словно парусные корабли из неведомой дали в неведомую даль плыли белые облака.

И нигде не виделось никакой тревоги, и все-таки на душе у Димки с Васькой было почему-то тревожно.

И уйти им надо было бы поскорее с этой поляны, да не могли они уже уйти.

Отуманила, околдовала их дурман-трава. Напустила на них вязкую сон-дрему. Оплела глаза храбрых героев солнечной паутиной.

И встать бы, да ноги не шевелятся, и вынуть бы острые сабли и разбить бы колдовские чары, да руки совсем ослабели, и двинуть бы плечами могучими и стряхнуть бы силы недобрые, да плечи не двигаются, и вздохнуть бы всей грудью богатырской и крикнуть во все поле широкое: «- Гей, проклятая!» - да губы крепко сжаты.

И вроде бы спали Димка с Васькой и вроде бы не спали. И глядели во все глаза, а видели вовсе не то, что видели.

Димка вместо белых облаков на небе видел стаю серых гусей. Гуси плавали по синему-синему озеру.

Слышался голос бабушки Симы:

- Гуси, гуси.

- Га-га-га, - откликнулись гуси.

- Есть хотите?

- Да, да, да.

- Так идите домой.

Гуси захлопали крыльями.

- Серый волк под горой.

Димка скосил глаза и вместо старого дремучего тополя увидел огромную гору. Она поднималась до самого неба и на голове у нее висела белая шапка. А внизу под горой из кустов выглядывал страшила козел-волк. Красная зубная пасть, а на лбу рога. И глядел страшила на Димку.

Димка схватился за саблю.

Но волк не испугался.

И Димка не струсил. Он пересилил сон-дрему, вскочил, размахнулся и:

- А-ахх!

Смотрит, а вместо отрубленной головы выросла новая голова.

Димка:

- А-ахх!

А голова – вот она – опять торчит.

Димка:

- А-ахх!

А голова снова на прежнем месте.

- Ах так! – гневно вскрикнул Димка и размахнулся и ударил со всей своей богатырской силой.

И закачалось небо, и рухнула гора.

И свалились с Димки волшебные чары дурман-цветка. И он вновь увидел небо, облака и солнышко.

И не было никакого страшили.

Перед Димкой стоял таловый куст, а из-под куста выглядывал коричневый лобастый и рогатый пень. С ним-то и сражался так отчаянно Димка.

Но это был не пень, это был колдун. Он только притворялся пнем.

Однако Димку не обманешь.

Димка навалился на гнилой пень всем своим телом и выворотил его вместе с корнями. Выворотил и швырнул в кусты.

А хитрый колдун только этого и ждал. Он тут же из пня превратился в белобокую сороку, шумно выпорхнул из кустов, застрекотал-захохотал и улетел.

А что же Васька?

А Васька, пока Димка храбро сражался с колдуном, спал богатырским сном. Это Димка думал, что Васька спал. А на самом деле Васька нисколечко не спал. Ну, вот ни капельки.

- Спал, Васька, спал.
 - Как же я, Димка, спал, когда я все-все видел.
 - А чего ты, Васька, видел.
 - Видел, Димка, видел, - Васька прищурил глаза, немного подумал и сказал, - Я видел, как ты, Димка, взял мой складной ножик.
 - Это какой?
 - А тот с костяной ручкой.
 - У которого два ножа и оба сломанные?
 - Да. Я его нашел и спрятал в большую щель дубового бревна, а ты нашел и взял.
 - Так это мой, Васьк, ножик. Я его еще зимой потерял, когда на санках катался.
 - Твой... А что же у тебя его никогда не было?
 - Как же он будет, Васьк, когда я его потерял?
 - Не было, Димк, у тебя никакого ножа.
 - Был, Васька, был. И я у тебя его не брал. Это тебе все приснилось.
 - Как же мне приснилось, когда я не спал. Я видел, как ты встал, подошел к тальнику, и зачем-то рубил его саблей. А потом вывернул корягу и забросил ее в кусты. И из кустов вылетела сорока.
 - Это не сорока, Васьк, это колдун.
 - Это никакой не колдун, а самая сорочина сорока. И у нее, наверно, там гнездо. А в гнезде сорок сорочат.
 - А почему сорок?
 - А потому что она сорока.
 - Пойдем посмотрим.
 - Пойдем.
- И наши отважные герои бесстрашно с опаской шагнули в таловые кусты.

Чудо-чудное

Во мраке кустов лежало черное-черное бревно. Димка на всякий случай потыкал в него саблей. Но живой ли? А то, кто его знает... Уже очень оно похоже на что-то. И толстую голову задрало на корягу, и тонкий обгорелый хвост спрятало в землю.

- Вить! Вить! Вить! – звонко свистнула голубая синица. Нырнула в заросли и призывно закричала: - Ви-итя! Ви-итя! Ви-итя!
- Кого это она? – переглянулись Димка с Васькой.
- Жу-у-у, жжжжж, - грозно загудел, закружился над ними тяжелый жук.

- И-и-и, и-и-и! – заплакал-застонал большой рыжий комар.

- Р-р-р, - заурчала в зеленой калужине, раздутая с огромными пузырями зеленая лягушка.

- Вор-р-р! Вор-р-р! Вор-р-р! – всполошено заметалась по кустам сорока, - Вор-р-ры! Вор-р-ры!

- Ка-а-ак?! – возмущенно прокричал грач.

- А вот так! А вот так! – затараторила галка.

- Ка-р-р-раул! Кар-р-р-раул! – застрекотала сорока, - Гр-р-рабят! Гр-р-рабят!

Откуда-то прилетели и со свистом закружились над тальниками вороны.

- Кто? Кто?

Димка с Васькой затаились.

Вороны, они хоть и вороны, но что-то уж очень их много. Да и клювы-то у них вон какие, как долото. А ну, как долбанут по затылку...

- Айда, Димк, обратно. Ну его...

- А оно вон, Васьк, - шепнул Димка.

- Где?

- А воон, во-она, - и Димка указал пальцем.

- Э-эх, ая-яй! – чуть не вскрикнул Васька, - вот это шалаш.

Спрятанное в густых тальниках, сорочинное гнездо висело почти над самой землей.

Когда Димка с Васькой подкрались к нему совсем близко, то удивленно замерли.

Перед ними висело не просто гнездо, а чудо чудное, диво дивное.

Плетеная, глухая корзинка гнезда искрилась, сверкала и сияла будто была наполнена праздничными новогодними игрушками.

- Смотри-ко, Васьк, твой сломанный ножик с костяной ручкой, - обрадовался Димка, - а ты: я его украл.

- Так я подумал, Димк... Когда я болел свинкой, ты все на том дубовом бревне сидел... Вот я и подумал...

- Подумал... - обидчиво сказал Димка, - Мне скучно было одному, вот я и сидел. Я боялся, что к тебе еще один поросенок придет, и ты совсем долго не выйдешь на улицу. Я охранял тебя, я с автоматом видел, а ты...

- Димк, Димк, гляди-ка, Веркины бусы.

- И ее красная лента, Васьк.

- И чайная ложка.

- И бабкины очки с цепочкой. А она их искала, а она их искала... Весь дом перевернула, даже в подпол лазила.

- Димка... золотое кольцо.
- Иди ты...
- Во-она.
- Катькино. Помнишь, как она ревела?
- Еще бы, Димк. Только поженились, а оно пропало.
- Она, Васьк, не из-за кольца.
- А из-за чего же?
- Из-за приметы какой-то.
- А что это такое, Димк?
- Она вон как ревела, значит что-то страшное.

Васька заморгал ресницами и огляделся.

- А мы, Димк, что, снимем все это?
- А как же.
- А не свалятся ли, Димк, тогда все страхи на нас?
- Нет, Васьк. Когда приметы вертаются обратно, колдовские страхи пропадают. И

Катька будет счастливая, и бабка обрадуется, и Верка тоже.

- Ну, тогда другое дело.

Но как только Димка с Васькой начали ворошить гнездо, в нем истошно закричали птенцы.

- Тр-р-р-р-р, тр-р-р-р-р, тр-р-р-р-р! – как из пулемета застрочила сорока, вынырнула из кустов и разгневанная, взъерошенная села на вершину гнезда. Раздвинула клюв, злобно зашипела.

Димка с Васькой попятились. Им показалось, что из черного клюва сороки полыхнул красный огонь.

Димка с Васькой выхватили сабли, но одумались.

Золотое Катькино кольцо и бабушкины очки с цепочкой они уже успели снять, а Веркины бусы... Пусть они повисят, пусть их поносит глупая сорока. Они ведь все равно не настоящие, игрушечные.

Может вы подумаете, что Димка с Васькой испугались? Ну уж, как бы не так. Они если бы захотели – вмиг бы – раз-раз изрубили воровку на мелкие кусочки, только бы перья полетели, но...

У сороки в гнезде плакали маленькие сорочатки.

А что, Димка с Васькой злыдни что ли? Что ли им не жалко маленьких и обиженных?

Да они за них...

Да они...

Димка с Васькой осторожно выбрались на тропу и – раз-раз-раз – изрубили саблями сухой прошлогодний злобный репей.

Вот они что сделают за маленьких и обиженных.

Военный совет

Изрубили Димка с Васькой колючий репей, вложили сабли в ножны и во весь дух поскакали вперед.

Долго ли, коротко ли они скакали, никто этого не ведает, а только прискакали они к длинному забору – крепости.

Тропинка пугливо огибала забор стороной. И Димка с Васькой могли обежать его стороной. Могли... Но как его обежишь стороной? Когда поверх забора-крепости, как безголовые жирафы, вытягивали кривые шеи железные чудовища. Нет, Димка с Васькой никак не могли пробежать мимо. Они не трусы.

Может там...

Да мало ли что там могло быть...

Димка с Васькой спрятались в траву, легли на тайный военный совет командоров.

Они знали, что перед ними забор, а за забором колхозный ремонтно-механический двор.

А там... машин всяких... видимо не видимо. И зубастых, и клыкастых, и рогастых, и еще каких-то.

Там и кузня, там и мастерские, в которых любую железку и разрезать, и любой железке любую дырку просверлить можно. Хоть вот такую маленькую, хоть такую.

так и трактор, и машины, и комбайны. Там и краны, которые смогут поднять целый дом, и бульдозеры, которые сдвинут целую гору.

Там зерносушилка, льнотеребилка.

Там огромнейшие весы, на которых взвешивают прямо груженные машины вместе с колесами.

Там высоченные силосные башни.

Там глубоченные мрачные подземелья овощехранилищ.

Там...

Там такие богатства, такие сокровища, о которых каждому мальчишке грезится только во сне.

Знали Димка с Васькой и то, что за углом забора-крепости на асфальтной дороге есть широкие железные ворота, но те ворота зорко стерегутся одноногим старым солдатом с орденом на груди. Усатым и строгим дедом Ильей.

И еще они знали, что на дворе живут две собаки Березка и Вьюнок. Березка белая с черными заплатами, гладкая и злющая. А Вьюнок огромный, лохматый, ленивый и добрый.

А еще Димка с Васькой знали, они все знали, что в заборе-крепости есть щели, но те щели заминированы и опутаны колючей проволокой-чертополохом.

Пылкий и более решительный Димка предложил взорвать стену-забор, закидать противника гранатами и взять крепость штурмом.

- Вражеские крепости всегда во всех книжках и кино берут штурмом.

Но осторожный Васька возразил другу. Он сказал, что вражеские крепости всегда берут штурмом, наверно, тогда, когда нет собак. А когда в крепости есть собаки, то штурмом брать крепость опасно.

- Собаки они, Димк, бестолковые. Они не поймут, что мы берем крепость штурмом и бросятся в яростную атаку. А Березка, она, знаешь какая кусачая. Они разбудят деда Илью. А он проснется и скажет: «Ах, задери вас волки». И тогда нам, Димка, придется спасаться – дай бог ноги. Дед Илья он не любит, когда по тракторам и комбайнам лезят мальчишки.

- Не любит, - вздохнул Димка.

И на этом военный совет командиров закончился.

Димка с Васькой оглядели забор в бинокли, в полусогнутые кулаки, приставленные к глазам, и решили брать неприятельскую крепость своим излюбленным и привычным методом. Пролезть на территорию двора в знакомую дыру.

Предательство

И никакая охрана не заметила бы Димку с Васькой. Потому что пробирались они к неприятельской крепости очень скрытно и осторожно. Сначала короткими перебежками, а потом закрылись в глухую полынь и ползли на животах по-пластунски.

Но их выдали презренная сорока-воровка. Вот предательница. А они-то пожалели ее. Они и гнездо ее не тронули и Веркины ей оставили, а она, неблагодарная, шпионила за ними – подглядывала и выдала их.

Когда Димка с Васькой подкрались почти к самому забору, сорока уселась на высокий столб и затрещала, и застрекотала... Заверещала так, будто с нее с живой перья ощипывают.

Ну, и ясно – всполошились собаки.

Первым подбежал к заборной дыре лохматый вьюнок. Выглянул – никого, гавкнул для порядка и презрительно покосился на сороку. Чего, мол, зря беспокоишь, вертихвостка.

Но юркая березка что-то почуяла и вслед за сорокой разразилась неистовым визгливым лаем. Таким пронзительным и остервенелым, что за компанию с ней, как в колокол, забухал и Вьюнок.

Димка с Васькой затаились в бурьяне и задом раками тихо-тихо поползли обратно. Ползли, а сами не спускали глаз с собак. А ну, как они выскочат...

Однако собаки тоже лукавили. Лаять лаяли, а хвосты поджимали и за забор ни-ни.

Кто его знает, кто там елозит.

Но как только наши отважные герои доползли до тропы и поднялись во весь свой богатырский рост, Березка с Вьюнком бросились в атаку.

Когда Димка с Васькой вскарабкались на корявый тополь, они не особенно запомнили. Уж очень все быстро случилось. Так быстро, как в кино. Раз – они уже сидели на толстых сучьях.

Димка с Васькой страх какие ловкие.

И думаете, они собак испугались?... Березки с Вьюнком?

Да они бы...

Да если бы они...

Да стоило им только вынуть сабли...

Да тогда бы от собак только шерсть полетела.

А с кем бы сторож дед Илья сторожить стал? Один?

Ага – один... Днем-то ладно. А ночью?

Ночью одному и скучно и боязно. Ночью0то ведь темно.

А у деда Ильи и дома-то кроме собак никого нет.

А когда дома никого нет – знаете, как дома не весело.

Была бы у деда Ильи бабка, тогда другое дело. А у деда Ильи нет бабки. Она умерла. Ее на кладбище в яму закопали.

Нет, деду Илье никак нельзя без собаки. А с кем он будет дома разговоры разговаривать?

Вот почему Димка с Васькой не вынули из ножен острые сабли.

Жалко им деда Илью. Он ведь тоже солдат. Только одинокий солдат.

А на дерево они впрыгнули... Так они на него всегда забираются. На нем сидеть удобно, и с него все вокруг отлично видно. И механический двор за забором прямо, как на ладони. И незачем туда идти. И отсюда они наглядятся на него вволю.

Но там сейчас пусто. Солнышко одно, да дед Илья сидит у ворот на скамейки.

Трактора в полях, машины по дорогам бегают, кузница вон на замке. А комбайны, жатки, косилки, сеялки, веялки подле забора сидят, как в детсаде, рядком и скучают. Им тоже страсть как побегать хочется, но их не пускают – время не пришло.

А сорока, ябеда-корябеда, трещит и трещит. У-у, воровка бессовестная. На комбайн уселась.

Сиди, сиди, бестолковая вертихвостка, все равно ведь он не поедет.

Вот если бы Димка с Васькой на комбайн сели, тогда бы...

Вся бы железная армия сразу бы двинулась.

Р-р-р-р...

И в поле.

Она бы враз все хлеба скосили. Солому – в ометы, хлеб на склад, картошку, свеклу и капусту – в глубокие и темные хранилища, а клевер – в стога, а стога – к коровникам, а потом бы ... Р-р-р-р-р...

Все поля бы снова вспахали, заборонили, засеяли и – гуляй зима, вьюжи, метелься.

Вот бы, что они сделали, но сегодня им, белобокая вертихвостка, некогда. Сегодня они идут на расчудесную реку Озерку. На великую и загадочную. А что она великая и загадочная – это уж точно. Ведь не даром же Димкина бабушка Сима и Васькина бабушка Зина всегда говорят о реке Озереке со страхом и грозят Димке с Васькой пальцем.

- Туда ни-ни. Боже упаси, помилуй. Утоните.

Но они не утонут. Что, они маленькие что ли? Что они плавать, что ли не умеют? Умеют. И еще как!

Это Верка плавает, как утюг. А они... Даже пруд переплывают. И туда, и обратно.

- По-собачьи, по-собачьи! – смеется над ними Верка.

Ну и что, что по-собачьи – зато здорово. Брызги – во все стороны, а в брызгах – радуга.

- Вперед, Васька.

- Вперед, Димка.

- Ура-а-а!

Великая река Озерка

Они появилась неожиданно. Так неожиданно, как будто из-под земли выросли.

Бежали Димка с Васькой, бежали. Скакали на своих лихих конях, скакали. Рубили острыми саблями головы поганых репейников, рубили. И думали, что им еще долго скакать и долго рубить, потому что луг впереди неоглядно-широкий, сосновый лес — туманно далекий, а река... а ее и вовсе не видно.

И вдруг стоп.

Димка с Васькой едва не скувырнулись. Чуть-чуть не улетели под обрыв.

Эта тропа их обманула. Ну и тропа! Виляла, виляла, хитрила, хитрила, да зазевалась и нырнула прямо с крутящего крутяка в реку.

Хорошо, что Димка с Васькой не зазевались, а то бы...

У Васьки даже волосы встали дыбом, а душа ойкнула и упала в пятки и от того ногам стало горячо-горячо, а голове холодно.

Мысленно Васька уже шлепнулся с крутяка в омут. А вода в омуте черная-черная, тихая-тихая — притаилась, ждет, и сама все крутит, крутит, крутит.

Васька с Димкой отступили, передохнули от страха. А страх манит, неодолимо притягивает к обрывистому берегу. Уж очень хочется страху заглянуть в бездонную глубину страха.

Димка с Васькой легли и подползли к обрыву по-пластунски. Интересно все-таки: куда же спрыгнула тропа? Может, спустилась по лесенке?

Нет.

Берег падал в омут напрямую и даже робко поднимался под берег и опасно нависал над темной водой.

А тропка?

А тропка обрывалась, а чуть повыше, где кончался обрывистый берег, появилась из неоткуда и снова, как ни в чем не бывало, беззаботно бежала вдоль берега.

Злая, коварная тропа.

А если пойдет дед Иван, он и в очках-то плохо видит? ... А если пойдет кто вечером или ночью? ...

Димка с Васькой испуганно переглянулись и торопливо отступили назад.

Ночью-то и так-то жуть как страшно.

Тьма, тишина. Звезды. Шорохи.

Идет человек, торопится. Домой торопится и вдруг...

На реке послышался крик.

Димка с Васькой вздрогнули.

- Это кулик, Васька.

- А я, Димк, уж подумал...

- И я подумал... Надо спасать, Васьк.

- Кого, Димк?

- Людей, Васьк. А то они пойдут и...

- А как?

- Новую тропу торить. А эту, - Димка выхватил саблю и наотмашь ударил по тропе, - вот, вот, вот! Обманщица! Злодейка! Ты думаешь, мы не знаем кто ты? Знаем. Ты оборотень. Змея ты. Солнечной тропой обернулась. А сама людей под обрыв... Гадюка!

Руби ее, Васька. Бей ее, коли. Отсекай ее лживую голову. Сбоку заходи, сбоку!

- А где у нее, Димк, бок-то?

- Это я, Васьк, так. Нарочно. Тропу пугаю. А то мы ее рубим, а она не рубится, как каменная.

- Ковырять ее, Димк, надо.

- Ковырять... Это если бы лопатой или железкой какой. А сабли что — они деревянные — игрушечные.

- А ее, Димк, надо мусором завалить.

Ох и потрудились Димка с Васькой!

Ох и попотели!

Думаете так просто спрятать старую злую тропу и проторить молодую добрую, новую?

Думаете просто? Раз-раз и готово?

А вы попробуйте, попробуйте. Не-ет, вы попробуйте.

Да только где вы мусора найдете, когда кругом чистые луга?

А-а-а, в кустах. А в каких кустах? У ручья?

Сходите, сходите. Димка с Васькой ходили. Все уши и щеки обожгли крапивой, а что толку-то...

Вот вам и просто.

И у реки в тальниках тоже никакого мусора нет.

Димка с Васькой и туда лазали. Вязь там одна, топь. Видите, у Димки и у Васьки все ботинки в грязи.

Но это так — ерунда. Отмоются.

А мусор они нашли, знаете где? ...

Во-он у той осины. Во-он, что одиноко на лугах стоит. Там низина, болотца, из него еще в прошлом году торф брали и на поля вывозили, и половодье его заливало, а потом вода ушла и мусору по берегам — хоть пруд пруди.

Димка с Васькой целыми охапками его таскали. Хороший мусор. Пыльный, трескучий. Палки, щепки, береста, тростник.

Далеко.

Ну и что, что далеко. Зато видите, как лживую тропу завалили — ни в жизнь никто не догадается, что тут тропа была.

Устали?

Конечно, устали.

Но ведь Васька с Димкой не для себя старались. Они людей от обрыва спасали. Для этого и новую тропу торили. Правдивую тропу, не лживую. По ней люди обойдут обрывистый берег стороной и никуда не упадут, не свалиться. Хоть с закрытыми глазами пойдут — все равно не свалиться.

Димка с Васькой надежную тропу сделали. Траву выщипали, а землю утоптали. Наверно тысячу раз по ней пробежали и туда, и обратно.

Димка с Васькой - они молодцы. И она сами знают, что они молодцы. Они никакой работы не боятся. Они и огород помогают полоть, и огуречные грядки помогают поливать, и скотину вечером загоняют от пригона, и полы метут, а зимой и снег от крыльца сбрасывают. А его знаете, сколько за ночь метель наметает - сугробы. Огромные. Белого, искристого. Так и просится в рот. Но его есть нельзя. Ангиной заболеешь. Разочек лизнуть можно, а больше ни-ни.

Они и дрова бы кололи с великим удовольствием, да уж больно колун тяжелый. А топором плохо. Тяпнешь по чурбану, а он вопьется и ни тпру, ни ну.

Не-ет. Васька с Димкой не зря хлеб едят.

И бабка Сима, когда бывают в доме гости, не зря гладит Димку по голове и говорит ласково:

- Он у нас молодец.

А бабушка Зина певуче вторит:

- И у нас, Васенька. умница и молодец.

Ну, а после этого Димка с Васькой и вовсе стараются. У них и силы прибавляется, и желания.

Ведь приятно, когда тебя хвалит. Правда?

Стеснительно, но приятно.

- А хорошая тропка получилась. Верно, Васьк?

- Кривая немножечко.

- А тропка, Васьк, и должна быть кривая. Тропки прямыми не бывают. Прямой бывает только дорога. Вон к памятнику погибшим воинам - там дорожка. Асфальтированная и прямая-прямая.

- Ну, к памятнику... К памятнику, Димк, кривую нельзя.

Откуда и куда течет река

Озерка?

Пробежали Димка с Васькой своей новой тропке еще раз, порадовались, накинули на плечи автоматы, прицепили острые сабли, вскочили было на своих верных коней, да призадумались.

А куда, в какую сторону скакать?

- Надо сначала вверх, - решил Димка, - там у нас начало.

- А где у нас, Димк, верх, а где низ?

- Верх, - мудро изрек Димка, - это откуда она течет, а низ — куда течет. Не текут же реки снизу-вверх.

- Это я знаю, Димк. Дождик тоже не идет обратно. А вот куда она течет?

- Вниз.

- А где у нее верх, а где низ?

- Верх — вверху, а низ — внизу.

- Да это я знаю. А где у нее верх, в где низ?

- А-а-а, откуда и куда она течет?

- Да.

- Сверху вниз.

- С какого верху?

- С верхнего.

- Оттуда что ли? - и рассерженный Васька указал на небо.

- А-а-а, откуда и куда она течет? Так бы и говорил.

- А я тебе как говорю?

- А ты: где верх, где низ.

- Ну да, где?

- Ну, Васька... Я же тебе сказал: верх — вверху, в низ — внизу.

- А где верх, а где низ?

- Ты что?

- А ты что?

- Не знаешь где верх, а где низ?

- Да знаю я, где верх и низ, а откуда и куда она течет? Снизу-вверх или сверху вниз? Оттуда сюда или отсюда туда?

- А-а-а, давно бы так и говорил. Это мы сейчас проверим.

Димка схватил из мусора палку, подбежал к обрыву и швырнул в реку.

- Вот, смотри. Куда поплывет — там низ.

Снулая вода омута вздрогнула, поморщилась и лениво потянула палку по течению.

- Теперь все ясно, - сказал Васька и поскорее отошел от опасного обрыва.

- Ясно-то, Васьк, ясно. Да что-то не больно ясно. Ты глянь-ка.

Палка описала полукруг, выплыла на середину омута, покачалась в раздумье и решительно двинулась в обратную сторону.

- Чегой-то она, Димк?

- Вот и я думаю.

- Она что? Около берега течет туда, а на середине сюда?

- Выходит.

- Забавно. И куда же нам идти?

- Вверх, Васьк.

- Лыко да мочало...

- И никакого лыка, Васьк, и никакого мочала. Просто вода у берега завихряется, а на середине течет туда, куда течет. Значит, она течет туда, навстречу солнышку. Течет из ночи в день.

- Это как кто, Димк, из ночи в день?

- А так. Солнышко где заходит?

- Во-он за тем бугром.

- Правильно. А когда уйдет солнышко, что наступает?

- Ночь.

- Верно. А где солнышко встает?

- Во-он из-за того леса.

- И что настает?

- День.

- Вот и выходит, Васька, все проще простого.

Река течет из-за того бугра за вон тот лес. И значит, течет она из ночи в день. И скакать нам надо за тот бугор.

- Так это же, Димк, далеко.

- А ты как думал? Большие реки они и начинаются далеко. На то она и большая. Это только наш ручей начинается близко.

- Он не близко, Димк, он в нашей деревне, у наших домов начинается.

- От того он и маленький. В нем даже рыба не водится. Одни лягушки, да головастики. А тут рыба... И сомы, и щуки, и налимы, и голавли, во, - и Димка указал правой рукой на левой руке по самое плече, - А сомы — даже с тебя, Васьк, будут. Бабка говорила, что сторож дед Илья в Поповом яру заудил сома с бревно.

- Придумал — с бревно, - засмеялся Васька, - на такого сома вон деревня сбежалась бы поглядеть. А его никто не видел.

- Оттого, Васьк, и никто не видел, что дед Илья его заудил, но не выудил. Он у него леску и крючок оборвал и увел. А мы второго сома, Васьк, поймаем. Сом себе возьмем, а крючок вернем деду Илье.

- Поймаем... как это мы его, Димк, поймаем?

- А очень просто, Васьк. Придем мы туда, где река Озерка начинается и заткнем ту дыру, из которой она вытекает камнем или булыжиной. Река пересохнет, и мы того сома схватим.

- И река, Димк, совсем-совсем пересохнет?

- Совсем-совсем. И рыбы мы с тобой наловим — целый воз или нет, целый тракторный прицеп.

Однако Васька не обрадовался, а наоборот, даже опечалился.

- Ну, чего ты? - насторожился Димка.

- Реку, Димк, жалко. И рыбу жалко. И колхозные поля, и огороды поливать будет нечем.

- Ладно, Васьк. Мы рыбу брать не будем. Мы поймаем только сома. Крючок отдадим деду Илье, а сома пустим в наш пруд и будем на нем кататься. Усядемся верхом на него, возьмем за усы и но, но, милый.

- А река, Димк, как же?

- А мы, Васьк, сбегает и снова откроем дыру.

- И она снова станет такой же?

- Обязательно.

- Тогда я согласен, Димк. А сома будем кормить червяками. Они у нас за двором в навозе знаешь какие большие и жирные...

На этом Димка с Васькой и порешили, вскочили на резвых коней и поскакали за тот дальний бугор, из-за которого вытекает из той дыры речка Озерка, в которой водится тот огромный сом, который оборвал у деда Ильи и крючок, и леску.

Ох и река! Ну и ну!

Скакали Димка с Васькой, скакали! Скакали-скакали! И тропа-то уж вон потомила, и солнышко-то уж за полночь склонилось, а они все скакали и скакали.

Скакали сначала крутым берегом, потом пологим — песчаным, снова крутым, затем опять песчаным, обогнули тальниковые заросли, обежали тростниковое озеро, а река все кривуляла и кривуляла. То вправо, то влево, то вперед, то назад. А иногда выписывала такие кренделя-завитушки, что наверно и сама запуталась и не знала куда течет, и Ваську с Димкой совсем запутала.

Ох и река! Ни и ну!

Васька с Димкой думали, что они убежали не зная куда, огляделись, а они никуда не убежали.

И деревня — вот она, как была, так и осталась рядышком. И одинокая осина, под которой они брали мусор, стоит себе на месте и даже чуточку приблизилась.

- И чего, Димк, она мечется, как угорелая,- обиделся на реку Васька,- чего она виляет, видно голова закружилась.

- Это она, Васьк, нас путает. Испугалась, что мы ее заткнем, вот и хитрит, вот и ныряет из стороны в сторону. Думает: мы заблудимся. Думает: мы потеряемся.

- А мы, Димк, не потеряемся?

- Хы, скажешь тоже,- надулся Димка,- как это мы, Васьк, потеряемся, когда мы с тобой разведчики. У меня и дед был разведчиком в войну.

- А у меня папа на границе служил пограничником.

- Вот видишь, Васьк, а ты говоришь, потеряемся. Это Верка, она бы давно уж потерялась. А мы с тобой — ни в жизнь, потому что ни разведчики, ни пограничники никогда не теряются.

- А когда они, Димк, обедают?

- Кто?

- Разведчики.

- А когда захотят, тогда и обедают.

- А они, Димк, еще не захотели?

- Может и захотели, но они, Васьк, едят, когда дело сделают.

- А когда они его сделают?

- А вот как придут к бугру, как найдут ту дыру, из которой вытекает река, так сразу и сядут, и поедят.

- Далеко еще.

- А мы, Васьк, знаешь, что? А мы давай не будем кривулять берегом, а давай напрямик. Напрямик-то близко. Во-он он, бугор-то.

- Да, Димк, там вон поле, а в поле рожь.

- А мы, Васьк, на вертолете.

Васька озадачено глянул на друга.

- А чего ты,- ответил Димка,- что у нас, в нашей армии, вертолетов что ли нет.

Дополна.

Димка покрутил ручку воображаемого аппарата, приложил кулак к уху.

- Алло! Алло! Сирень! Сирень! Я Акация! Я Акация! Слышишь меня?

«- Угу!»

- Вышлите нам срочно вертолет.

«- Есть».

Димка бросил телефонную трубку, выхватил из ножен саблю и пропеллером закружил ее над головой.

- Жжжжжжж! - взревел вертолет.

- Жжжжжжж! - взревел второй.

И Димка с Васькой мысленно взлетели в воздух.

Петляй река Озерка, кривуляй, ныряй в кусты, хитри. Да ведь Димку с Васькой все равно не перехитришь. Они на вертолетах.

Они – напрямую.

Под ногами луга, под ногами цветы, в ушах ветра свист.

- Хорошо!

- Хорошо-то, Димк, хорошо, но и не очень. – ели выговорил Васька. – Трава уж больно высокая.

- А ты прыгай, Васька, подпрыгивай. У тебя же ноги-то вон какие, как у кузнечика.

- Они путаются.

- А ты пропеллером, Васька, сильнее работай. Вжиии! Вжиии!

- У меня, Димк, бензин весь кончился, - и Васька повалился в траву

Загадочные кочки – бородавки

Ну, а коль у Васьки кончился бензин, то и Димкиному вертолету пришлось приземляться. Не бросать же друга в беде. Да и устал он тоже очень.

На вертолете легко лететь по гладкой дороге, где ноги бегут сами. А по высокой траве на вертолете тяжело. Надо и прыгать, как зайцу, и пропеллером над головой крутить.

- Нет, Димк, по такой дороге лучше на вездеходе. Он гусеничный – везде пролезет.

- Рррр!

- Рррр!

Взревели два молодых мотора.

Однако и на вездеходе Димке с Васькой проехать по болотистой низине не удалось – забуксовали. Дали задний ход и объехали низину стороной. Выскочили на взлобок и удивленные остановились.

Высокая трава кончилась, будто отстриженная ножницами, а перед ними, вплоть до самой кромки поля, лежали голые-голые луга. Такие голые, ну, прямо, голые-голые. И не скошенные, скошенные они колючие, а оципаные. И на этих лугах такие же голые, как футбольные мячи, кочки – бородавки. Сплошь кочки – бородавки. Кочка на кочке.

- Ложись! – вскрикнул Димка, сорвал с плеча автомат и упал. Испуганно упал и Васька. Осторожно подполз к другу.

- Ты чего?

Димка приложил к губам палец.

- А что?

- А то, - таинственно зашептал Димка, - ты думаешь это кочки, ты думаешь это бородавки.

- А чего же?

- Это, Васьк, вражеская армия, головы вражеских солдат в касках прорастают. И если, Васьк, мы их не уничтожим, они, как вырастут, как встанут, как двинутся - все поля потопчут: и пшеницу, и рожь, и овес, и гречиху, и просо, и все деревни и города подожгут, твою Верку в рабство угонят, а нас с тобой в плен возьмут, в каменную тюрьму бросят, и пытать будут.

- Ну уж, Димк, в плен-то мы не сдадимся, - засопел Васька.

- Никогда.

Димка с Васькой сползли в ложбинку, установили пулеметы и приготовили гранаты.

Бой предстоял не шуточный.

Вражеских солдат на лугах прорастала – тьма. Правда они не очень торопились прорасти, но все равно. Их вон сколько, даже не сосчитать, а Димка с Васькой живы вдвоем.

- Тра-та-та-та-та! – застрочил Димкин пулемет.

- Тра-та-та-та-та! – застрочил и Васькин пулемет.

- Тра-та-та-та-та!

- Тра-та-та-та-та!

Бой длился долго. Жестокий бой.

Димку ранили в правую руку. Ваську в левую. Потом Димке прострелили голову. Насквозь прострелили. Но Димка все равно продолжал стрелять. И Васька продолжал стрелять, хотя Ваську уже дважды убивали насмерть.

Наконец бой закончился.

Он может быть и не закончился бы, да у Димки с Васькой пулеметы не пулеметили – зыки не ворочались и губы онемели.

- Все, - прошептал Димка, - мы победили. Теперь, Васька, вражеские солдаты не прорастут. Так и останутся тут на века вечные бугорки бородавки-кочки.

Так-то оно так...

- А если по правде, Димк, откуда они взялись?

- Кто?

- Кочки-бородавки.

- Выросли.

- Откуда они выросли?

- Из земли.

- А почему на других лугах не выросли? А на этих выросли.

Димка озадаченно поглядел на Ваську, на голые шишковатые луга и тоже спросил:

- А правда: почему?

- Их что тут посеяли?

- Кто?

- А я откуда знаю кто, может под ними арбузы.

- Скажешь тоже, нет, Васьк, здесь, наверное, когда-то давным-давно была битва и под этими кочками, наверно, лежат черепа.

- А может и ружья тут...

- Нет, Васьк, тогда ружей еще не было – сабли.

- Настоящие?

- А какие же. Ясно настоящие.

- Ух, Димк, давай раскопаем.

- А если там кости и черепа?

- Опять закопаем.

- Закопаем ... А потом ночью они придут к нам.

- Как это придут?
- А так. Как утопленник к мужику ходил.
- Какой утопленник?
- Обыкновенный. Который утоп. Я у Пушкина читал.
- Мне бабка тоже сказки Пушкина читает
- Сказки... - Презрительно скривился Димка. – Сказки — это сказки. А это поправде.

- Расскажи.
- Там страшно, Васьк.
- Ну и что, все равно Расскажи.
- Ловил мужик рыбу, - начал Димка, но Васька тут же перебил.
- Я это знаю, знаю. И начинается это вовсе не так. Жили старик со старухой у самого синего моря.

- Какой старик, какая старуха? – обиделся Димка. – Мужик ловил рыбу и не в море, как в твоей сказке, а в реке, и не неводом, а обыкновенной сетью.

- Ну.

- Вот тебе и гну. Поставил он сеть и уехал домой, а мальчишки вытащили эту сеть. Вытащили, а в ней утопленник. Синий, распух и раки в него вцепились. Мальчишки испугались и домой. Отцу сказали. Он изругал их, а утопленника за ноги и опять в воду. И веслом оттолкнули его. А вечером, когда стемнело, в окошко вдруг стук, стук, стук.

Мужик открыл окошко-то, глядит, а перед ним голый утопленник.

Мужик задрожал от страха и захлопнул окно.

«Чтоб, говорит, тебя разорвало».

А утопленник опять: стук, стук, стук.

И всю ночь. И каждый день.

Вот.

А ну как, Васьк, и они к нам будут стучаться по ночам. Нет, Васьк, покойников трогать нельзя.

*И Димка с Васькой
задумались*

Уж очень им хотелось иметь настоящие сабли. Так хотелось, что у Васьки индо пятка на левой ноге зачесалась. А Димка, как глянул на жаркое солнышко, так и зажмурился, потому что солнечные лучи ему показались не солнечными лучами, а сверкающими саблями.

Думали Димка с Васькой, думали. Думали, думали. Наверно минуты две думали.

- А может, Димк, только утопленники по ночам-то шляются.

- Конечно, Васьк, - обрадовался Димка. – Их раки щекочут, вот они и ходят, и стучатся в окна и двери. А те, которые в земле лежат, чего им ходить-то, лежат себе и лежат.

- А что, Димк, если мы не кочку будем копать, а между кочками.

- Это ты, Васьк, верно придумал. Между кочками земля ничейная. И мы будто бы так, копаем себе и копаем. Мало ли где мы можем копать. Правда?

- Ясно, Димк. Мы же не знаем, где тут покойники. Вот ехали бы мы на кладбище стали копать, тогда другое дело, - и Васька неуверенно, словно случайно, ковырнул своей деревянной саблей между кочками. Димка тоже ковырнул. И они поглядели друг на друга. И не просто поглядели, а поглядели затаенно – ждали. Случится что-нибудь или нет?

Но ничего не случилось. Земля не треснула и гром не грянул.

Над ними по-прежнему ласково светило солнце, спокойно плыли мягкие облака, радостно звенели жаворонки.

Димка ковырнул уверенно. Вслед за ним смелее ковырнул и Васька.

Ну, а дальше... а дальше уже дело техники. Приехали бульдозеры, экскаваторы с зубастыми ковшами и бум-бум! Бум-бум!

- Жжжжж!

- Ррррр!

Однако твердая земля поддавалась медленно. Деревнями саблями копать, не лопатами.

Но Димка с Васькой они настойчивые, они упрямые. Ух, если они захотели, они добьются.

Однажды Димка с Васькой нашли за деревней у ручья дерево. Толстущее, пожалуй, с бочку, а внутри дупло. И захотелось им узнать: кто в том дупле живет? Ведь кто-нибудь да живет.

И начали они по дереву колотить палками.

Били, били, били и добились.

Из дупла вылетела целая туча диких пчел. А дикие они и есть дикие ...

Набросились они на Димку с Васькой, как тигры полосатые.

Но Димка с Васькой хитрые. Они в болото кинулись и лягушками притворились.

Пчелы:

Жу-жу-жу!

Димка с Васькой:

- Ква-ква-ква!

Пчелы туда-сюда. Нет, Димки с Васькой.

А Лягушки:

Ха-ха-ха-ха-ха!

Это они над Димкой с Васькой хохотали. Потому что Димка с Васькой очень потолстели. Распухли, как жирные поросята. Вместо носа стали пяточки, а вместо глаз – узкие гляделки.

Копали, Димка с Васькой, копали. Копали, копали. И выкопали такую ямищу, из которой у них только ноги торчали.

- Хватит, - сказал Димка, - а то насквозь всю землю прокопаем и вывалимся в Америку. А они подумают, что мы шпионы – пытать нас начнут!

- Есть! Есть! – вдруг закричал Васька. – Тяни меня за ноги. Димка ухватился за Васькины ноги, потянул, и Васька вместо сабли выворотил из-под кочки здоровенный смолистый корень.

- Во, - восторженно выдохнул Васька, - Там еще есть.

- Дрова, - сказал Димка и отбросил корень в сторону. – не было тут никакой битвы. Лес, Васька, тут был.

- А кочки — это бывшие пеньки?

- А кочки — это бывшие пеньки.

Вражеские разведчики

- Атае! - вскрикнул Димка и спрятался за высокую кочку.

Васька ткнулся рядом и спросил:

- Ты чего. Димк?

- А ты что, не видишь?

- Нет.

- А это что? – и Димка указал вперед

Из-под берега реки на голые кочковатые луга медленно выползло стадо овец.

- Овцы, - простодушно заулыбался Васька.

- Эх, ты... Овцы... - Димка округлил глаза и таинственно зашептал: - Это не овцы, Васька, это вражеские лазутчики. Это они переоделись. Надо сообщить в штаб.

Димка лег на левый бок, снял телефонную трубку.

- Алло! Алло!

«Слушаю».

- Обнаружены замаскированные вражеские солдаты.

«Уничтожить».

- Есть уничтожить, - и повернулся к Ваське, - Слышал?

- А вдруг, Димк...

- Никаких вдруг.

Васька обидчиво засопел.

- А может, Димк, из дальнобойных пальнем.

- Нет, Васьк, на переодетых лазутчиков надо нападать неожиданно. А то они спрячутся.

- Да. Димк, у их главнокомандующего палка-то знаешь какая...

- Какой главнокомандующий? Какая палка? Ты что, Васька?

- А ничего, Димк, - поежился Васька.

- Ты, в самом деле, думаешь: это овцы?

- А кто же?

Димка с сожалением пристально, как на больного, поглядел на друга.

И Васька сдался.

- Уж очень они, Димк, похожи на овец, и блеют как овцы.

- А они что, по-твоему: человеческим голосом должны говорить?

Васька скривился в улыбке.

- Скажешь, Димк...

- Вот то-то же.

Стадо овец меду тем щипало траву и тихо, но уверенно надвигались на наших отважных героев.

- Они нас обходят, Димк, окружают.

- Спокойно, Васьк, спокойно. Приготовь саблю и как только я крикну – бросимся в рукопашную.

Стремительная атака

Окружали вражеские лазутчики Димку с Васькой, окружали и вдруг почувствовали что-то неладное. Перестали кормиться, и нарядено замерли. Окаменели.

Вдруг одна из овец высоко подпрыгнула, ударила копытом о землю, и тот же миг все стадо лихо ринулось на наших героев в бешеную атаку.

- Ура-а-а! – вскинув над головой сабли, запоздало заверещали Димка с Васькой.

Но они уже промчались мимо.

- Ура-а-а! Урр-р-р... - и сникли.

Прямо перед ним на краю болота, на кромке высокой травы стояли большие серые собаки.

И странные какие-то собаки. Они не лаяли на Димку с Васькой и не бросались на них, а стояли и смотрели озадаченно. Будто говорили: а вы-то откуда тут взялись?

- Шарик. Шарик, - ласково залепетал Васька.

Одна из собак, та, что побольше, оскалилась, но другая, та, что поменьше, поджала уши и загродила Димку с Васькой собой.

Собаки о чем-то пошептались, прыгнули в высокую траву и, как две большие озорные птицы, замахали к дальнему лесу.

Странный пастух

Встреча с собаками была такой неожиданно и такой мгновенной, что Димка с Васькой не успели даже как следует опомниться и напугаться.

А опомнились они и напугались лишь тогда, когда из-под берега реки выскочил страшный пастух. Он бежал, размахивал палкой и истошно кричал:

- Волки! Волки! Волки!

За плечами у пастуха развивалась накидка, длинные волосы на голове растрепались и закрыли лицо, от того пастух казался крылатым лохматым чудовищем.

- И-и-и-и-и! - верещало чудовище и стремительно приближалось к нашим героям.

Димка с Васькой узнали его. Это был их деревенский пастух – полоумная тетка Саня. Её в деревне все боялись, хотя она никогда никого не обижала. Боялись её дикой медвежьей силы.

И Димка с Васькой бросились наутек.

Сначала Димка, за ним спохватился и Васька.

- Нет, первым ты, Васьк, побежал.

- Нет, Димк, ты.

- Нет, ты.

- Нет, ты. Я гляжу, ты побежал, и я побежал.

- Как же ты, Димк, за мной, когда ты первый побежал?

- Это я тебя потом обогнал.

- Как же ты меня обогнал, когда ты меня никогда не обгонял?

- Это я тебя раньше не обгонял, а сегодня я тебя обогнал.

И долго еще спорили Димка с Васькой, пока не поняли, что они сидят во ржи. А рожь такая высокая, что когда они встали, она им была не только с головками, но и с ручками, а до зеленых колосьев и пальцами не достать, разве, что на цыпочках. И на цыпочках-то ничегошеньки нигде не видно. Одна рожь и рожь, да солнышко над головой. Да жаворонок звенит, будто заблудившийся колокольчик.

А где же деревня? А где же река?

Хлебная тайга. Заблудились.

Разведка.

— Димка с Васькой повернулись в одну сторону, в другую, в третью — кругом сплошная рожь.

— Куда, в какую сторону идти?

— Димка сказал:

-- Туда.

— Васька сказал:

-- Туда.

-- А почему туда, а не сюда? — возразил Димка.

-- А почему сюда, а не туда? — спросил Васька.

Задумались. И верно: а почему туда, а не сюда? И почему сюда, а не туда?

Однако Димке все равно казалось, что надо идти туда. А Ваське казалось, что надо идти туда.

Решили сходить в разведку.

Васька — туда, а Димка — туда.

Уговорились далеко не уходить.

Васька отошел от Димки и думает: я подальше отбегу — наверно там край поля. А Димка тоже думает: Васька не прав, край поля не там, а там. Я подальше отбегу, найду край и Ваську покричу.

И разбежались в разные стороны.

Васька бежал, бежал, бежал, а края поля все нет и нет. Еще немного побегал — края поля нет.

Остановился.

Один.

Прислушался.

Тишина.

И тишина какая-то жутковатая и таинственная.

Рожь густая, высокая. Окружила. Стиснула, зажала Ваську и о чем-то загадочно шеберстит — перешептывается над его головой.

И Димки нигде не слышно.

- Ди-и-и-им-ка-а-а!

Молчание.

- Яя-я-яяяй!

В ответ ни звука. Пугливая тишина затаилась во ржи и выглядывает. Подслушивает.

А Димка что?

А Димка слышал голос друга, но не отозвался. Он понял, что Васька боится и порадовался. Порадовался своей храбрости. Он-то ничего не боится, ему-то совсем ничего не страшно. И подумал: вот отбегу еще подальше, а потом откликнусь.

Отбежал и прислушался.

- А,- слабо, едвадохнула безбрежная рожь.

- Вааась-каааа! - во все горло закричал Димка. Послушал и ничего не услышал.

- Ау-у!

Димка постоял, потоптался в растерянности и метнулся обратно.

- Ау-у! Ау-у! Вааа-сь-каа!

Рожь хлестала его по лицу, путалась в ногах. Он спотыкался, падал. Вскикивал и снова бежал. И рядом с ним бежал его страх. Огромный бесконечный страх потерянности. Солнечный страх.

Ну, скажите: такого не бывает.

Нет, бывает.

Димка однажды в своей избе и то чуть не до смерти испугался.

Проснулся, а в комнате никого. Солнышко во все окошки и тишина, а в этой тишине будильник топает — бум, бум, бум. И от его бум, бум тишина еще тишинеет.

- Баб,- робко позвал Димка.

Никого.

- Ба-ба!

Никого.

Заглянул в кухню — пусто.

В прихожую — пусто.

В коридор — пусто.

- Ба-ба! - заверещал Димка и на улицу. Он думал, что и на улице-то никого нет, что он один на всем белом свете остался.

Вскочил, а на улице Васька.

Ох и обрадовался Димка, ох и обрадовался... и страх сразу пропал.

А вы говорите, светлого страха не бывает.

А хлебное поле не изба. У него ни конца и ни края. Ну и что, что солнышко... От него даль-то еще дальше.

- Вааа-сь-кааа!

- Аааа! - долетело до Димки, но совсем не оттуда, куда он бежал.

- Ваась-каа!

- Аааа!

- Ты где?

- Тут я, Димка, тут!

- И я тут! И я тут!

- Урааа!

- Урааа!

И страх убежал. Трусливо спрятался в густую солнечную рожь. А Димка с Васькой радостно волтузили друг друга.

- Нашелся!

- Нашелся!

*Димка с Васькой катаются друг
на друге или как лучшие всего
выбраться из хлебной тайги.*

Когда первая радость прошла, Димка с Васькой не сказали друг другу, а подумали: нашлись-то они нашлись, да вот еще бы кто нас нашел?

А кто найдет? Кто среди лета по хлебным полям шастает? Никто. И они ни за что не полезли бы, и пастух Саня.

А она вон как верещала: Аляля! Улюлю!

И палка-то у нее хорошая.

- А почему, Димк, она кричала: волки! Волки!

И только тут до Васьки с Димкой дошло, что они в лугах стояли нос к носу не с собаками, а с настоящими волками. С волком и волчицей.

- А зубы-то...

- А уши-то...

- А лапы-то... во.

- А глаза-то — во.

- Он — rrrr!

- А она — urrrr!

Говорили, перебивая друг друга, Васька с Димкой и смеялись. Потому что знали, что все это они выдумывают, а страшные волки были вовсе и не страшными. Не такими, как в сказках.

И они их нисколечко не испугались.

Они даже и не подумали, что это волки.

- А может это были и не волки?

- Волки, Димк, волки. Иначе зачем же овцы так шарахнулись.

- Ве-ерно.

Димка с Васькой настороженно глянули друг на друга и запрыгали от радости.

- Волки! Волки! Волки! Они видели настоящих страшных волков.

А что волки были страшными, они об этом расскажут всем мальчишкам и девчонкам.

Иначе им никто и не поверит.

Они скажут:

- Пасть у них — во!

- Зубы — во!

- Глазищи — во!

- Когти - во!, - и Димка растопырил скрюченные пальцы, - Ка-ак схватит овцу — трын-трын-трын — только шерсть клочьями.

- А может не надо, Димк?

- Чего?

- О волках-то говорить.

- А что?

- И твоя бабушка узнает, и моя бабушка узнает. Ох, нам и влетит тогда.

Димка нахмурил брови. И Васька нахмурил брови. И настроение у них сразу упало.

Они ведь ушли от бабушек тайком. А вернее они обманули своих добрых доверчивых бабушек. Димка сказал, что будет играть у Васьки, а Васька сказал, что будет играть у Димки.

- Но мы же не виноваты, Васьк, что получилось так долго. Мы же хотели раз-раз.

- Это река, Димк, виновата. Это она такая долгая, кривуляет и кривуляет.

- Ну, река! - и Димка сжал кулаки.

- Ее еще надо найти, Димк, - вздохнул Васька.

- Не бойсь, Васьк, вперед!

- А куда, Димк, вперед-то?

- Куда!? - Димка подпрыгнул — ничего не видно. Рожь и рожь.
И Васька подпрыгнул — ничего не видно. Рожь и рожь.

- Лезь ко мне на горшки,- догадливо обрадовался Димка.
Васька обхватил Димкину шею, подогнул ноги.

- Ну, как? - прохрипел Димка.

- Совсем ничего не видно.

- Давай я на тебя, ты длиннее.

Васька покорно подставил спину.

- Да не так,- рассердился Димка,- на корточки опустишь, я тебе на шею сяду.

- О-о-о! Димка, какой ты тяжелый.

- Вижу! Вижу! - во все горло закричал Димка. - И деревню вижу, и реку вижу!

- Слезай.

- Ты что, слезай, неси. А то мы опять заблудимся.

- А далеко?

- До деревни далеко, а до реки близко,- и Димка попытался сесть поудобнее, но Васька покачнулся, и наездник вместе с лошастью рухнули в густую зеленую рожь.

- Ты чего?

- Упал.

- Уж Больно ты быстро что-то упал. Не нес ничего, а упал,- и Димка хотел снова оседлать Ваську, но Васька запротивился.

- Нет уж, давай теперь я.

- Давай. Да только ты, Васьк, опять ничего не увидишь.

Димка просунул голову между васькиных ног, спросил:

- Видишь?

- Что видишь? - обиделся Васька. - Ты поднимай.

- А я разве тебя не поднял?

- Разве, разве... Хитрый ты, Димка.

- Я не хитрый, Васьк, я сильный.

- Вот и поднимай.

- А я тебя поднял.

- Как это ты меня поднял, когда я на земле стою.

- Это у тебя ноги такие длинные. Ты переступай ими, и мы поедем.

Васька схватил Димку за волосы и потянул кверху.

- Ты чего, сдурел? - завопил Димка.

- А я тебе помогаю, Димк. Вишь, как ты легко меня поднял. И я теперь все вижу.

- А что ты видишь?

- А вижу я, Димка, что стоим мы с тобой у самой кромки хлебного поля.

Димка с Васькой захохотали и наперегонки выскочили на конковатые луга.

На лугах уже не было ни овец, ни пастуха Сани, ни волков.

Тих было на лугах, просторно и прозрачно.

В сине-голубом небе висело солнышко. Жаркое, утомленное и немного грустное.

Бугор, из-за которого вытекает

великая река Озерка.

Издали этот бугор, из-за которого вытекала река Озерка, казался Димке с Васькой маленькой и пологой горушкой. Такой, с которой запросто можно скатиться зимой на санках и на лыжах.

Но чем ближе они подходили к бугру, тем выше и круче становилась горушка.

Димка с Васькой озадаченно подергали друг друга за уши — уж не снится ли им? Уж не попали ли они в волшебную сказку?

Бугор был живым. Бугор рос прямо у них на глазах.

Из гладкой округлой горушки он превращался в угловатую и шишковатую гору.

И, наверно, от того, что гора так быстро росла, кожа на ней от натуги полопалась и вся покрылась глубокими трещинами, трава поредела, а из земли выпирали красные и белые голыши осоки. Но гора все росла и росла. И когда Димка с Васькой подступили к ее подножью, она уже выросла до неба, и за ее вершину зацепилось краешком солнышко.

Можно было обежать гору стороной, обогнуть берегом реки. Можно было...

Но как же не забраться на такую высоченную гору, на которой отдыхает само солнышко?

- Вперед, Васька!

- А мы, Димк, не обожжемся? Ведь оно вон какое раскаленное.

- Нет, Васьк, мы к нему только притронемся. Поплюем на пальцы и притронемся.

- Ох и зашипит...

- Еще как.

И Димка с Васькой замолчали. И это понятно. Хоть они и сильные, а взбираться на круту. Гору и им было нелегко. И не просто на гору, а на гору, на вершине которой, свисив лучи-ноги, сидело солнышко.

И чем выше поднимались Димка с Васькой, тем сильнее их жарила жара.

- У меня, Димк, волосы на голове уж мокрые.

- И у меня, Васьк, мокрые. И это хорошо — не вспыхнут.

А солнышко все ближе и ближе.

А жара... А жара...

- Может, отдохнем?

- Давай.

Димка с Васькой легли и уткнулись носами в землю, потому что солнышко слепило их, полыхало рядом за уступом.

Димка тайком от Васьки поплевал на палец, вытянул вперед руку и пополз. Добрался до уступа, зажмурился, вскарабкался на уступ и...

И думаете, он не знал, что солнышко только прячется за горой, а вовсе не сидит на ней? Думаете, он глупыш?

Знал! Знал!

И Васька знал.

Если бы солнышко сидело на горе, оно бы всю гору спалило. И траву бы сожгло, и полынь, и кусты.

А дыму было бы — вся деревня сбежалась. И наверняка машины примчались бы. И пожарный бы колокол забухал — бум, бум, бум! Как тогда, когда у Палкиных изба горела.

Димка с Васькой тогда тоже на пожар прибежали. И на огненные головешки плевали. И огненные головешки шипели, потрескивали и стреляли. И у Димки тогда прогорели новые штаны.

Уголек попал на них, и они задымились. А пожарник в железной каске с козырьком подумал, что Димка горит и окатил его из ведра водой.

Димка тогда страсть как обиделся на пожарника. Дымились-то у него только штаны, а пожарник, с дуру-то, окатил его с головой.

Вот.

А солнышко — не уголек.

И не садится оно ни на какую гору. Об этом все знают. И Димка с Васькой знают. Что они, маленькие что ли?

Катится оно по небу, катится и скатывается вечером прямо в ночь.

А до ночи-то еще — ой-ей! Жди. Ее еще нигде и не видно. Им с горы-то все видно.

Солнышко-то — вот оно, почти на самой середине неба.

Грусть

Стояли Димка с Васькой на вершине горы, удивленно глядели во все глаза и молчали. Гора перед ними обрывалась. Падала вниз высоченным крутым обрывом. Глинистым и рваным.

А за обрывом синяя пустота. Огромная-огромная. И даль. Бесконечная даль. Сколько не гляди, все равно не увидишь конца.

У Димки с Васькой даже дух перехватило. И они боязливо попятились.

Огромность пустоты и бесконечность дали напугать их, обескуражили, лишили уверенности и прочности.

Они никогда не думали, что есть такая огромная огромность.

Она подавила и деревню, и лес, и поля, и луга, и речку Озерку, и они стали какими-то маленькими и потерянными.

И сами Димка с Васькой вдруг ощутили себя тоже необычно маленькими, потерянными и легкими.

Казалось: дунь посильнее ветер и эта огромная огромность, как пушинки подхватит их и унесет в эту бесконечную чужую даль.

Димка и Васька снова попятились.

Уж очень одиноко, неуютно и беспризорно было на этой голой вершине горы.

И слышался печальный голос:

- Котик-братик, несет меня лиса, за темные леса, за высокие горы...

Димка споткнулся и едва не упал.

И оба наших отважных героя вмиг остолбенели.

Под ногами у них лежали белые кости.

- Ой, Димка,- выдохнул Васька,- сюда наверно и птицы не залетают.

- Ка-а-ак!?- хрипло и возмущенно каркнула в траве ворона.

Димка с Васькой вздрогнули, однако и повеселели. Они не одни. Ворона, она хоть и ворона, все-таки ворона...

- Пойдем отсюда,- сказал сердито Димка.

- Пойдем,- торопливо согласился Васька.

- Грусть здесь одна,- сказал Димка.

- И страх,- добавил Васька.

И они сбежали по крутому склону вниз.

Радость

Не знали Димка с Васькой, что там, на вершине горы, они впервые заглянули в

бездонные глаза равнодушной вечности. И ее огромность напугала их, потому что от ее прикосновения все меркнет, мельчает и теряет значимость.

То ли дело тут, внизу...

Димка с Васькой сразу приобрели и прочность, и уверенность. Они вновь стали и большими, и сильными, и храбрыми.

И луга стали большими, и деревня — большая, и река Озерка, и прибрежные кусты, и трава, и деревья — все-все стало большим, веселым и радостным.

Димка с Васькой вскочили на своих резвых коней, выхватили сабли, но опять вложили их в ножны.

- Надо с ней что-то делать.

- С кем, Димк? - озадаченно глянул на друга Васька.

- С горой. Убрать ее надо, обманщицу.

- Убрать... Гору...,- ошалело вытаращил глаза Васька.

- А что?

- А куда мы ее денем, Димк? В карман что ли сунем?

- Взорвем. Подкопаем лаз, заложим динамит и взорвем.

Так они и сделали.

Заложили под гору сорок бочек пороху, а что им стоит, и бабахнули.

И горы не стало.

А то, что она стояла на месте, это Димку с Васькой несколько не тревожило. Пускай Стоит, обманщица – ее все равно нет.

И река Озерка из нее вовсе не вытекает. Они теперь это знают точно. Они оттуда с верхотуры все видели.

Река вытекает из дальнего-дальнего леса. А может и не из леса. Может она только спряталась в лесу. А сама течет и течет.

- И под землей течет, и под океаном течет, - выкрикнул Васька и поглядел на Димку.

- Нет, Васьк, под океаном она не течет.

- Почему?

- Потому что в ней тогда бы водились киты и акулы.

- Вот было бы, Димк, здорово. Сели бы мы на кита и ... - Васька не знал, что случилось бы дальше. Но ему очень захотелось прокатиться верхом на живом ките.

Кит

Он лежал на мелком песчаном перекате... Огромный и толстый. Черный, горбатый и

гладкий.

Хвост у него врос в берег, а тупая голова с раздвинутой пастью глотала воду на середине реки. Глотала и выплевывала, и вода возле головы кипела и взбурливалась.

Димка с Васькой увидели его еще издали, еще от поворота.

Они возвращались обратно.

А что им оставалось делать, если вертлявая река их обманула. Спряталась за гору, а сама убежала в лес.

- Так не честно, верно, Васък.

- Конечно, Димк. Спряталась так уж сиди, жди, когда тебя найдут.

Но и Димка с Васькой теперь хитрили. Чтобы не блуждать больше по хлебам и высокой траве, не обегать болота и непролазные тальники, они возвращались краешком реки. У самой-самой воды, а вернее, но только мы уж об этом никому не говорите, по неглубокой воде.

Ботинки, штаны и рубашки они, понятно, спрятали в рюкзак и шли налегке. Шли... Как будто Димка с Васькой могли идти, когда у них всегда были наготове верные резвые кони, которые нетерпеливо грызли стальные удила, вставали на дыбы и вихрем носили их по мелководью.

Брызги из-под ног веером, а в брызгах радуга.

Река пыталась запутать Димку с Васькой. Она петляла, она кривляла, она меняла берега: крутой на пологий, пологий на крутой. Но и Димка с Васькой стали ох! умнее. Они не лезли под глыбистыми склизкими крутяками, где под берегом и глубина, и быстрина, а спрямляли свой путь – пересекали на перекатах реку в брод и вновь выскакивали на светлое песчаное раздолье.

И снова их красные лихие кони скакали по твердому прибрежному песку, по жестким лопухам мать-и-мачехи и по тихим солнечным заводям, из которых искристыми табунами выскакивали в панике и удирали в глубине серые пескари. И Димка с Васькой гонялись за ними.

В одной из заводей, когда они с плеча рубили саблями злую полосатую осоку, из осоки вальяжно медленно выплыла голубая щука. И не с руку, а – во!

И Димка с Васькой чуть-чуть не поймали ее. Чуть-чуть не изрубили саблями.

Они уж и перекрыли ее – Васька сбежал и встал на выходе из заводи, но в последний момент он сдрейфил и отступил на берег. И щука спокойно ушла.

А какая щука была...

- Да, Димк, тебе хорошо, - оправдывался Васька, - ты сзади щуки был, а она – у-у-у! – и прямо на меня, как подводная лодка.

- А ты бы ее, Васьк, саблей. Раз! Раз! Раз!
 - Э-э-э, Димк, саблей... А ты слышал, как она сказала «Чики-Брики».
 - Чего-чего?
 - Чики-Брики.
 - А что это такое, Васьк?
 - Брысь с дороги, долгоногий.
 - Ну.
 - Вот тебе и гну. Я не хотел, а ноги у меня сами по щучьему велению – прыг на берег. А она как стрельнет и мимо меня молнией.
 - И гром, да Васьк, бум! Бум! Трах-та-тах!
- И Димка с Васькой захохотали. Но полном скаку врезались в молодые гибкие кусты, проскочили сквозь них и замерли.
- На широком знойном перекате реки лежал кит. Кривой и горбатый. Животом и усами он врос в песок, а округлая жирная спина жарилась на солнцепеке и от того сморщилась и потрескалась. Толстая приплюснутая голова грустно смотрела на Димку с Васькой пустым глазом дупла. На месте второго глаза торчал обломанный сучок. Открытый огромный рот был забит черными корягами.
- Вот это дуб! – удивленно и восторженно выдохнул Васька, - Откуда его, Димк, притащило?
 - Сам ты дуб.
 - Да я это так, Димк, нарочно. Я знаю, что это кит.

Кругосветное путешествие

Забрались Димка с Васькой на кита, оседлали его, пришпорили и...

И понес Димку с Васькой кит по реке Озерке, потом по Волге, потом по морю-океану прямо к славному царю Султану. И царевну- лебедь Димка с Васькой видели, и белку с золотыми орешками, и тридцать три богатыря, и убитый коршун проплыл мимо них. Правда, то был не коршун, а всего лишь мертвая серая ворона, но все равно...

А потом на море-океане грянула буря.

Она подкралась незаметно.

Все было тихо-тихо, солнечно-солнечно и вдруг откуда-то из лугов, бедто с цепи сорвался ветер. Он как подул... как подул... Закачал на берегу старый тополь, затрепал таловые кусты, закручился вихрем на песке, поднял целое облако пыли и швырнул в реку.

И река потемнела. Потому что на небо выползла тяжелая сизая туча и проглотила солнышко.

Но Димка с Васькой не струсил. Они спрыгнули с кита и бросились навстречу ветру с саблями.

И туча выхватила саблю. И ее сабля сверкнула молнией. И грянул, нет не бой, а гром.

И хлынул дождь.

Однако Димка с Васькой и тут не испугались. Они вскочили на своих коней и ринулись в атаку. Они скакали по мелкому перекату и рубили дождь и направо, и налево. Рубили лихо со всего плеча.

Но бой оказался неравным. Дождь палил из тысячи пулеметов. Крупный и холодный. А затем ударил шрапнелью – градом.

И Димка с Васькой отступили – спрятались под крутой берег. Отступили, но не сдаись.

- Мы-ы ему еще да-да-да-дим, - пригрозил Димка дождю, - Он у-у-у-нас еще по-по-оп-пляшет.

- Мы-ы-ы... Мы-ы-ы – попытался было, что-то сказать Васька и не мог. Он посинел и весь дрожал. И не просто дрожал, а все его тощее тело прясло, как молотилку. Голова дергалась, руки брякали локтями по ребрам, коленки стучали одна о другую, зубы выбивали дробь.

- Ты-ты-ты-ты, - будто из автомата прострочил Димка, - что, о-озяб?

- Не-не-не-немножко.

Васька хотел смахнуть под носом капельку, но непослушная рука двинула его в собственное ухо.

Битва с серо-зелеными

5. Дождь кончился так же неожиданно, как и начался. Шел, шел, шел и прошел. И снова выглянуло жаркое солнышко. Умыто засверкали трава и кусты, приветливо заулыбалась река. Зазвенели жаворонки. Над тихой водой замелькали веселые ласточки береговушки.

6. Димка с Васькой выпрыгнули из-под крутого берега.

7.- Ура-а-а! – запрыгали, заскакали по теплему мелководью.

8. Но стоп.

9. Дальше опасно.

10. Река сузилась. С одного берега – кусты, с другого сизая склизкая печина. Кусты и печина сдавили реку, и вода ними неслась бешеным быстрыком.

11. Пришлось выбираться на берег и долго продираться непролазным тальником.

12. Но Димка с Васькой, на то они и солдаты, смело пробирались сквозь неприятельские серо-зеленые полчища. Много они порубили и потоптали вражеских солдат, однако и сами получили ранения.

13. Ваське вражеская сабля рубанула по щеке и по уху, а Димке, когда он ломал сухую коряжину, неприятельская пуля пробил кисть руки.

14. У Васьки на щеке вздулась красная полоса, а у Димки из ладони потекла кровь. Но они даже не пикнули. И поле боя не оставили и в медпункт не пошли. Они сама себя вылечили. Васька потер щеку ладонью, поплевал на ладонь и потер, а Димка пососал рану и кровь перестала течь. А если бы она не утихла, то Димка знал и другое лечение, самое надежное, он бы намазал рану грязью. Он уж не раз так делал – отлично помогает.

15. Выбрались Димка с Васькой из вражеского окружения тальников усталые, поцарапанные, но гордые и с богатыми трофеями.

16. Вот они:

17.1. Длинная капроновая веревка, которой вражеские солдаты пытались опутать Димку с Васькой и захватить их в плен.

18.2. Боевая машина амфибия, правда, без колес и со сломанным пулеметом – пластмассовая.

19.3. Танк с пробитой башней и тоже пластмассовый.

20.4. Солдат – наблюдатель. Его Димка с Васькой сбили с корявого тополя. Они сидели в развилке, и от него шел провод-жилка. Солдат оказался лысой, без ноги и без руки, пластмассовой куклой, а жилка прелой.

21.5. Лента — желтая.

6. Ружье двухствольное — измятое, забитое грязью и ни на что негодное.

7. Крепко закупоренная бутылка. Большая, темная и тяжелая.

8. Корзинка без ручки, в которую они сложили трофей.

Димка с Васькой придирчиво все осмотрели и выбросили.

1. Капроновую веревку, из-за ненужности.

2. Боевую машину амфибию.

3. Танк.

4. Куклу.

5. Ленту.

6. Ружье двухствольное.

7. Корзину, которой они хотели ловить пескарей, но у которой оказалось дырявое и гнилое дно.

Оставили только бутылку. В ней что-то было.

Димка с Васькой покрутили ее, покрутили, но открыть не смогли и разбили о голыш. Бутылка бабахнула, как бомба, и из нее выпала тетрадка. А в тетрадке послание.

Вот оно.

«12 апреля 1986 года.

Деревня Осинки.

Каникулы.

Сегодня мы с Колькой отправились в кругосветное плавание.

Мы ученики 4-б класса.

Зоя Ивановна на уроке нам сказала, что по нашей реке Озерке можно доплыть до Африки.

Сначала по Озерке, потом по Кудьме, потом по Волге, потом по каналу Волго-Дон, потом по Дону, потом по Черному морю, потом по Средиземному морю, потом по океану и прямо в Африку.

Мы хотели поглядеть на живых Слонов и Носорогов.

И мы бы доплыли. Льдина у нас была хорошая. Но на нас напали пираты Рыжий и Косоглазый.

Они из 5-б класса.

Они захватили наш корабль и приказали плыть вместе с ними.

Мы, говорят, тоже хотим поглядеть на Бегемотов.

Льдина разломилась, и мы накупались.

И дома нам здорово попало. Кольке ремнем, а мне поперечником.

Поплывем завтра или послезавтра, когда высохнет наша одежда.

А пока посылаем бутылку.

Извещаем всех Африканцев.

Товарищи Африканцы: если к вам приплывут пираты и разбойники Рыжий и Косоглазый — не верьте им. Они врут, будто хотят поглядеть на Бегемотов, они заберутся в ваши огороды и оборвут все ваши бананы. Они в прошлом году оборвали у бабки Графены все бобы. А бобы у бабки Графены большие и вкусные. А они ни одного стручка не оставили.

Жадины.

Товарищи Африканцы, гоните их, дурачков и пиратов в шею. Или высадите их, как Робинзонов, на необитаемый остров. Лучше где водятся крокодилы.

Ежели они прикинутся добрыми, вы все равно не верьте им. Они, когда выпрашивают конфетки, всегда добрыми притворяются.

А не дашь — дерутся.

Ваши друзья.

Колька Лагунов

Витек Киселев.

Полуостров солнечной радости.

Африка. Бой с пиратами.

- Надо скорее спасать, Васък.

- Кого?

- Африку.

- А где она, Димк?

- В Африке. Бутылка-то не доплыла. Мы ее разбили. Значит нам надо и спасать.

- А как мы ее, Димк, будем спасать?

- Поймать разбойников и пиратов Рыжего и Косоглазого.

- Они в пятом классе, Димк, учатся... Как бы они нас самих не поймали.

- Не бойся, Васък, мы их перехитрим.

- Пятиклассники, Димк, они тоже страсть хитрые.

- А мы знаешь, что сделаем...- прищурился Димка.

- Что?

- Обмажемся грязью. Будто мы африканцы. Они приплывут, а мы им: Булды! Булды!

- А что это такое, Димк?

- Это по-африкански: сюда! Сюда! Они обрадуются, а мы их — цоп, свяжем и в крепость.

Васька рассмеялся. Ему очень понравился Димкин план.

Намазаться грязью и стать африканцами... это... это... Да еще и разговаривать не по-русски...

- Тульды булды! Тулды булды!

И Димка с Васькой полезли в тальниковые заросли. А как же?

Хорошая грязь, она водится только в хороших кустах, в темных и мрачных, и только возле хорошего лягушачьего болота.

А лягушачье болото, оно хоть и прячется — его за километр слышно. Лягушки — народ зевластый.

Вон как раскричались — будто у них большая школьная перемена.

Близко к болоту Димке с Васькой подойти не удалось. Грязь не пустила.

Хорошая вязкая черная грязь. Илистая, маслянистая.

По колени увязли и дальше не пошли.

Потоптались, размесили грязь пожиже, поелозили в ней, как поросята, и вылезли настоящими африканцами.

Теперь их никто бы не узнал. Даже бабушки. А если бы узнали...

Бабка Зина в обморок бы упала, а бабка Сима уперла бы кулаки в бока и захохотала. Она всегда так делает, когда ей очень грустно. А потом бы... а потом бы...

Да нет, ни за что они не узнают.

Димка с Васькой и сами-то себя не узнали. И не то что не узнали, а даже испугались друг друга.

- Это ты, Димка?

- Я.

- Что-то ты уж больно страшный. Весь какой-то тракторный и глядишь как-то...

- Как?

- Как банный чугун с глазами из темноты.

- Это хорошо, Васьк. Теперь нас никакая пуля не возьмет. Теперь Рыжий с Косоглазым держитесь.

- Давай, Димк, и Мишку заодно...

- Давай. Он такой же пират и разбойник.

Димка с Васькой подкрались к берегу реки, раздвинули кусты и разом выдохнули.

- Э-эх, ты!

Перед ними распласталась длинная песчаная коса. Светлая и, как блин, гладкая-гладкая. Она тесно прижала реку к противоположному берегу, словно хотела запрудить ее, но не смогла, река быстрым течением пробилась-таки сквозь косу и за косой, обрадованная, разлилась широким плесом с маленькими серыми островками.

- Это, Димк, наверное, полуостров солнечной радости.

- Нет, Васьк, это Африка.

По берегу жаркой песчаной Африки, разинув клювы, гордо расхаживали два жирных грача.

- А это что, Димк, африканцы?

- Ты что, не высовывайся. Это пираты и разбойники Рыжий с Косоглазым. Они всех африканцев прогнали, а сами вишь, как короли, разгуливают.

- Смотри, Димка, смотри-ка, тут и разбойник Мишка.

- Вижу.

У самой кромки воды стоял и к чему-то прислушивался хохлатый чибис.

- И волосы у него на голове торчат точь-в-точь, как у Мишки,- обрадовался Васька.

И завязался бой.

Застрочили автоматы, заухали взрывы гранат.

Грачи и чибис улетели.

Но Димка с Васькой в пылу сражения уже забыли о них. Они отчаянно бились с пиратами.

Корабли пиратов бесстрашно штурмовали берега Африки, палили из пушек, из пулеметов, ухали торпедами.

Васька с Димкой падали убитыми, вскакивали и тоже бабахали из пушек, строчили из автоматов. Взрывали разбойные корабли бомбами. Они тонули, но тут же появлялись новые. Высаживали десант и Димка с Васькой, выхватив сабли и пистолеты, яростно бросались в рукопашную. Рубили, стреляли, кололи.

- Подводная лодка! Димка, подводная лодка! - заметался, закричал Васька.

Но друг не ответил.

Димка, раскинув руки, лежал весь израненный и истекал кровью.

Васька метнулся на помощь.

Он поднял Димку, встряхнул.

Димка застонал.

Васька поспешно влил ему в рот лекарство.

Димка слабо приоткрыл глаза.

- Подводная лодка.

Димка вскочил.

- Где?

Посредине реки плыла полузатопленная коряга.

Защитники Африки подкатили к берегу тяжелую артиллерию, зарядили, прицелились.

- Ба-бах! Ба-бах!

И лодка — буль-буль-буль — пошла ко дну.

Бой затихал.

Остатки вражеской эскадры трусливо удирали.

Димка с Васькой галопом скакали на взмыленных конях по всей Африке, добивали последних пиратов. А самых главных пиратов, Рыжего и Косоглазого, а заодно с ними и разбойника Мишку, связали и бросили в каменную темницу. Пусть они там посидят и подумают над своими разбойными делами.

А Димка с Васькой пока отдохнут, покупаются — смоят с себя грязь и повалеются

на горячем африканском песке.

Африка теперь свободная, и африканца свободные.

- Ура-а-а!

- Ура-а! Ура-а!- кричали в ответ африканцы.

Неприступные города

и крепости.

Купались Димка с Васькой долго-долго. До посинения.

А чего вы улыбаетесь?

Вы... вы... вы бы тоже купались до посинения, если бы вам посчастливилось найти, то место, где купались Димка с Васькой.

Оно и не глубокое, и не мелкое. Оно в самый-самый раз — почти по шейку.

На том берегу — стеной высокий тростники, а на этом — ласковый песок. Но главное — стремительный быстряк. А на нем будто с горки катаешься.

Бултыхаешься в упругую воду, а она подхватывает тебя и, как на мягкой ладони, несет, несет, несет и прямо на светлую мель. Заденешь коленками, локтями и животом за шершавый песок, перекувырнешься, вскочишь, забежишь по песчаной косе вверх и снова — бултых. Растопыришься лягушонком и опять мчишься — катишься на солнечную прозрачную мель.

Оп-ля!

И снова — вверх по косе.

- Нырну-нырну, где вынырну?!

- А я дальше! А я дальше! - запрыгал по перекасту Васька.

- Это потому, Васьк, ты дальше — ты тощий, а я животом в песок уперся. Зато я донырну до тростника, а ты не донырнешь.

- Я.. да тут и нырять-то нечего.

Васька разбежался и бултых.

Но упругий быстряк подхватил его и выбросил на перекаст.

- Эх ты,- засмеялся Димка. - Мало каши ел. Смотри!

Он надулся, как пузырь, подпрыгнул и...

И оказался рядом с Васькой на песчаной отмели.

Васька похлопал его по спине.

- Вставай, приехали.

- Не получилось,- выдохнул Димка.

Нырнули вместе.

Однако упрямый быстряк опять швырнул их на солнечный перекат.

Димка с Васькой обиделись.

Как это так? Их, отважных разведчиков, командиров бесстрашной армии, лихих чапаевцев, грозных танкистов, метких артиллеристов, победил какой-то узенький быстряк... Да они на своем пруду в три, в пять, в десять раз дальше ныряют...

Нет, они тоже упрямые, они не сдадутся. Ни за что.

Димка с Васькой ныряли, ныряли, ныряли, подрожали немного на горячем песке и снова ныряли, ныряли, ныряли и победили бы, и перенырнули бы, да солнышко зашло за облако.

И надвинулась на реку тень.

И напала она на Димку с Васькой и затрясла их, как грушу.

У Димки с Васькой даже волосы встали дыбом и растопырились в разные стороны.

Хотели они вскочить на своих резвых коней, да ноги дрожали, хотели они выхватить острые сабли, да руки скрючились, хотели они грозно крикнуть — ге-гей! - проклятая серая лихоманка! - да губы перекосились и зубы стучали.

И упали наши отважные герои на песок и прижались, как к родной матери.

И земля обогрела их, и обласкала, и вдохнула в них силы богатырские.

И впрыгнули они на своих верных коней, и выхватили сабли острые, и ринулись они в бой с распроклятой тенью.

Ископытили, истоптали и изрубили отраженное в тихом заливе злое облако и освободили красное солнышко.

И оно вновь засверкало и засияло.

И холодная тень трусливо спряталась в кусты.

И запели птицы, запорхали мотыльки, запрыгала, заиграла на перекате рыба.

Димка с Васькой гордо проскакивали по жаркой Африке и все им радостно кричали:

- Ура-а-а!

- Ура-а-а!

А самый главный вождь Африки Кимер-Чимер-Лей подарил им огромную связку бананов и попросил их остаться в Африке навсегда, быть у них главнокомандующими.

Но Димка с Васькой, вы ведь их знаете, они хоть и отважные, хоть и смелые, однако скромные и стеснительные.

Зачем им так много бананов? И зачем им такие большие должности?

Бананы они раздали маленьким африканцам, а от высоких и почетных должностей просто отказались.

Не могли они навсегда остаться в жаркой Африке. Им еще учиться надо, да и бабушки ждали их дома.

Но уйти они так не могли. А вдруг на Африку снова нападут пираты Рыжий с Косоглазым...

Подумали Димка с Васькой, подумали и построили на берегах Африки неприступные города-крепости.

Крепости каменные, вокруг крепости глубокие рвы с водой, через рвы перекидные мосты, на стенах установили пушки, на башнях – флаги, в воротах – грозную стражу. В центре Африки построили главный город и назвали его в честь своих бабушек Сим-Зин.

В главном городе построили главную сторожевую башню. На ней поставили часового и главную пушку.

- А ну, подходи, братья разбойники! Что, задрожали, побежали.

- Батарея к бою! Пли!

- Бум! Бах! Бум!

- Конница в атаку!

И Димка с Васькой, выхватив сабли, поскакали через перекаат. Пираты в панике бежали.

Красноголовая утка.

Игра в прятки

Река за перекаатом текла спокойно. Широкая, прямая и тихая. Ей, видимо, надоело кривулять, метаться из стороны в сторону, и она устало отдыхала.

По берегам реку охранял трескучий шепотун-тростник. Он чутко стоял на страже и не подпускал к реке даже ветер.

Песчаное дно реки было покрыто тонким слоем ила, и оттого вода казалась темной и пугливо-глубокой.

Димка с Васькой прижимались к тростнику и шли осторожно с опаской.

Хоть и не глубоко, а кто его знает...

По реке ходить без опаски опасно. Все мелко, мелко, а потом – ульк и улетишь с головкой.

Но Димку с Васькой не проведешь. Они уже ученые.

Они в подозрительных местах проверяли – ощупывали глубину впереди себя ногами. Если глубина по колено – брели дальше, а если выше колен – пробирались сквозь тростник. Рубили его саблями.

Рубили, рубили, и вдруг прямо у них под ногами вынырнула утка. Да и утка-то какая-то ненормальная. Голова красная, грудь темная, а бока светло-серые. Таких уток они отродясь не видавали.

И вела она себя как-то ненормально, не как все дикие утки. Не улетела, а совсем недалеко от берега закружилась волчком.

- Чегой-то она, Димк? – прошептал Васька.

- Раненная она, Васьк. Вишь, у нее и голова в крови, и одно крыло волочится.

- Поймать ее надо, Димк. А то она умрет. А у нас у бабушки знаешь, какое средство есть – намажешь, все царапки сразу заживают.

- Тише, Васьк, тише.

И Димка с Васькой медленно, шаг за шагом, начали подкрадываться к раненной утке.

А она все крутилась и крутилась.

Кружилась вроде и на одном месте, а вроде и не на одном.

Димка с Васькой забрели в воду сначала выше колен, затем выше трусов, потом выше пупков, а утка кружилась все там же и недалеко и не близко.

Димка с Васькой зашли по грудки, зашли по пазушки. Димка протянул было руку, и тут утка пропала.

- Утонула, - жалобно выдохнул Васька, - не успели.

Над грустной рекой закружился, заплакал чибис. В тростниках что-то зашеберстело, запикало и затихло. По задумчивой воде суетливо скакали водомерки.

Димка с Васькой встревоженные и опечаленные пятились к берегу. Из-под их ног со дна всплывали на поверхность зеленоватые бляшки.

Взметнулась рыбина.

- Ой, Васька, это не рыбина. Смотри, смотри это наша утка.

- Не утонула, - раплылся в радостной улыбке Васька, - утя, утя, утя.

А утка снова кружилась на одном месте и беспомощно волочила по воде крылдо, но как только Димка с Васькой подкрались к ней поближе, она вновь скрылась под водой и вынырнула уже далеко внизу у самого переката.

Жалость у Димки с Васькой сменилась на удивление и обиду.

- Вот дает, - вскрикнул Васька, - Вот это раненная... Вот это ныряет...

- А может она, Васьк, никакая и не раненная.

- Ка же, Димк, не раненная. Тогда бы она улетела. Ее, наверно, охотник подстрелил, вот она и боится нас. У нас же и автоматы, и сабли. Она же не знает, что они игрушечные.

- А ты, Васьк, умный.

- А ты думал...

Друзья вылезли на берег, спрятали в лопухах мать-и-мачехи вое оружие и рюкзак, воткнули палку, чтоб не забыть место, где спрятали, легли в воду и, затаив дыхание, поплыли к раненной утке.

- Когда приблизимся, - шепнул Димка, поднырнем под нее и пойдем.

Васька не ответил, он лишь согласно кивнул.

Плыть по теплой тихой воде, да еще и вниз по течению, да еще когда твои пальцы касаются песчаного дна реки, одна любота. Перебираешь руками, а телом и растопыренными ногами даже не шелохнешь.

Над поверхностью только нос, глаза, да будто кочки, включенные затылки.

Нет Димки с Васькой. Пропали.

Утка забеспокоилась. Перестала кружиться, завертела головой.

Где Димка с Васькой? Куда подевались ее верные спасители?

Она даже взмахнула крыльями и приподнялась.

Нет нигде Димки с Васькой. А что это за круглые волосатые чурбаки плывут к ней?

Ой, да они с глазами!

Неужто это Димка с Васькой?

- А может это волк с лисой?

Нет, надо на всякий случай отнырнуть пониже. Там совсем-совсем мелко, и если это не чурбаки, а хитрые Димка с Васькой или волк с лисой, то они не подберутся ко мне, не обманут, упрутся на мели животами в песок.

Утка подплыла к берегу, где поглубже, нырнула и всплыла уже за перекатом под кустом.

Отряхнулась и замерла, затаилась.

Отсюда ей все видно, а ее...

Попробуйте разглядеть под коряжистым кустом утку... Да сколько хотите смотрите – шарьте глазами – все равно не найдете.

Димка с Васькой на что глазастые, и то не нашли. А уж они глядели... И вверх по реке, и вниз, и вверх, и вниз. А уж берега... каждую травину взглядом, как иголками, прошили, а утку так и не нашли.

А ее и не было.

Она в рака обернулась.

Да, да. В самого обыкновенного клещнястого рака.

Не верите?

Еще бы. Димка с Васькой, если бы им кто сказал, тоже бы ни за что не поверили.

Но они сами видели, своими глазами.

На речном перекате валялся пень. Половина корней у него выросли в песок, а половина торчала над водой.

Вот Димка с Васькой и подумали: а не спряталась ли тут их утка?

Димка осторожно подкрался и сунул руку под пень.

Сунул, глаза выпучил, да как заверещит.

Васька от страха аж подпрыгнул и тоже выпучил глаза.

Выдернул Димка руку, а на пальце рак.

Взмахнул Димка с перепугу рукой, да так взмахнул, что Ваське показалось, будто вместе с раком улетела под облака и Димкина рука. Но Димкина рука осталась у Димки, а под облака улетел только рак. И шлепнулся он под куст, и тут же из-под куста вынырнула утка.

И оторопелые Димка с Васькой сразу поняли, что это не простая утка. Потому что простые утки такими красноголовыми и белесыми не бывают.

Простых уток у них в пруду полно плавают. Они, как воробушки, пестрые и нырять так здорово умеют. Они ныряют только головой. Спрячут голову под воду, а сами наружи и даже лапки видно. Бьются, бьются, тыкаются, тыкаются, а занырнуть глубже не могут.

А эта...

- Нет, Васьк, это не простая утка. Это утка-царевна. И нам надо следить за ней. У нее наверняка где-то есть дупло, а в дупле яйцо, о котором говорила бабушка, из которого вылупляется живое чудо.

Живое чудо

в решете

Ох, и долго бегали Димка с Васькой за царевной-уткой! Ох, и долго она играла с ними в прятки.

А когда ей надоело, она взмахнула крыльями и улетела. На прощание обернулась и – кря-кря!

- До свидания, до свидания, милые ребятки!

А милые ребятки стояли и растерянно смотрели ей вслед.

И было им немножко грустно.

И оттого, что улетела утка, и оттого, что день клонился к закату.

Румяное красное солнышко тихо опускалось к дальним хлебным полям. Над лугами не звенели уж жаворонки. Вода в реке дремотно замерла. Замерли и прибрежные

кусты.

С чистого голубого неба оседал и ложился на землю печальный покой.

Димка с Васькой утомленные брели в деревню. Рядом с ними устало шагали их длинноногие смешные тени.

И ничего уже Димке с Васькой не хотелось. Хотелось есть и спать.

Где начинается река Озерка, они так и не нашли. Где кончается, они тоже не нашли. Возможно она без начала и без конца.

Не нашли они и тот старый сухой дуб, о котором говорила бабушка Сима, в котором есть дупло, в котором есть яйцо, из которого, если его положить под курицу, вылупится живое чудо.

Шли Димка с Васькой, глядели на свои длинные тени и не замечали, что от деревни к ним навстречу бежали встревоженные бабушки. Бабушка Сима и бабушка Зина.

- Димка!

- Васенька!

Бабушка Зина обняла Ваську, прижала к себе и заплакала.

- Господи, живой.

А бабушка Сима треснула Димке по затылку и строго спросила:

- И где это, вы, негодники, шлялись?

Димка хотел сказать, что они гуляли по лугам, но бабушка Сима смотрела на него так пронзительно, что он понял, что бабушка все знает, и сказал ей все, как было.

- Вы гляньте на них, люди добрые, - всплеснула тяжелыми руками бабушка Сима, - они живое чудо ищут, а оно у меня дома в решете.

- Ка-ак?! – разом вскрикнули удивленные Димка с Васькой и, забыв про усталость, кинулись наперегонки к деревне.

Дома на столе стояло решето, а в решете действительно копошилось и пицало живое чудо.

Из вчерашних обыкновенных яиц, что лежали в гнезде под клушкой, вылупились живые желтые цыплятки. Маленькие пушистые комочки, похожие на солнечные одуванчики.

Жар-Птица

Димка поел и лег спать.

А солнечные цыплятки в решете все копошились и беспокойно пикали.

- Бабушка, а солнышко тоже из яйца вылупилось?

- Спи, глупенький. Конечно из яйца, - бабушка присела на кровать и погладила Димке по волосам, - это случилось давно-давно. Земля тогда была окутана мраком ночи.

- И совсем-совсем не было дня?

- И совсем-совсем не было дня.

- А как же бабушка?...

- Что?

- А люди, а звери, а птицы, а деревья?

- А не было еще никого.

- Голая-голая земля?

- Голая-голая земля. Ночь и звезды. И вот однажды прилетела на землю большая жар-птица.

- А откуда она, бабушка прилетела?

- А этого, внучек, никто не знает.

- Мы с Васькой узнаем, бабушка.

Бабушка Сина загадочно улыбнулась.

- Конечно, узнаете. Спи. Большая жар-птица свила себе большое гнездо, снесла большое яйцо-звезду и стала его высиживать.

- И из него, как цыпленок, вылупилось солнышко?

- И из него, как цыпленок, вылупилось солнышко.

- И на земле появились цветы, деревья, птицы, звери и я.

И Димка с бабушкой тихо засмеялись.

Бабушка заботливо укрыла внука легким одеялом, и он моментально уснул.

Ушел в тот далекий загадочный мир, в котором живет и летает загадочная жар-птица.